

Военные
Приключения

ВОИН ИМПЕРИИ

АЛЕКСАНДР ПЕРЕСВЕТ

Военные приключения

Александр Пересвет

Воин империи

«ВЕЧЕ»

2017

Пересвет А. А.

Воин империи / А. А. Пересвет — «ВЕЧЕ», 2017 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-444-49090-7

В книге описываются события, происходившие в Донбассе в 2014-м – в начале 2015 года. В центре повествования – судьба одного из воинов Луганской Народной Республики, командира разведывательного подразделения Алексея Кравченко, который оказывается в прицеле одновременно и луганских правоохранителей, и украинских спецслужб. Одновременно герой романа, уже знакомый читателю по книге «Мститель Донбасса», продолжает участвовать в боевых действиях против нацистов из карательного батальона «Айдар», которым мстит за убийство своего отца.

ISBN 978-5-444-49090-7

© Пересвет А. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Пересвет

Воин империи

© Пересвет А., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Книга написана на основе реальных событий.

Впрочем, все совпадения случайны.

Автор

Глава 1

– Не, ну вы наглые ребята, комендачи, – злясь, в сердцах выпалил Алексей, позабыв от досады, что перед ним сидит целый полковник. Да и Томич тоже, вообще-то, старше по званию. Но было действительно уж через край досадно. – Я вам такую рыбку словил, на живца фактически. Рыбка адрес шпиона укровского дала. И вы же меня на задержание не берёте!

Сокол с Томичем переглянулись. Наглец капитан! Но где-то прав: сам оказавшись в роли живца, сам же и обеспечил поимку крупной рыбы – настоящего, не для пропаганды выбранного, всамделишного агента украинской разведки. А тот, желая, как каждый, наверное, задержанный в его роли облегчить свою участь, сдал данные на резидента. С адресами и явками, как говорится.

И теперь был поднят в ружьё дежурный наряд, в МГБ ускакал посыльный с донесением об обнаруженном доблестной комендатурой шпионе – телефону такие сведения доверять было, естественно, нельзя. Тем более рации, а ЗАСом комендатура не располагала.

Со связью в республике вообще было не очень – сам глава общался по мобильнику, хотя и защищённому.

Время, время – его не хватало рождающемуся государству катастрофически! Время было сейчас строительным ресурсом – как цемент или бетон. Строить надо сразу всё, но «бетона» сразу на всё не хватает. И на что-то одно пустить его тоже нельзя – не домов идёт строительство или развлекательных центров. А полевых укреплений. Этакой «Линии Сталина». Когда нельзя возводить доты и дзоты по очереди – надо всё вместе. А также капониры, эскарпы, отсечки и всё прочее. И возвести надо, главное, было вчера.

Поэтому время сейчас было самым что ни на есть боевым ресурсом. И когда бегловцы здесь и пузатые патриоты в России кричали о предательском минском перемирии, отнятой победе и катастрофически теряемом времени для победы, люди знающие с ними соглашались. Частично. И часть эта была не сказать, чтобы большая. Процента два. А другие 98 процентов отводили на совершенно трезвые расчёты: не договорись политики в Минске, не нарисовалось бы паузы в боевых действиях, не появилось бы времени, чтобы начать хоть что-то строить кроме укрытий и капониров.

А что до якобы отнятой победы... Да ерунда! Любому трезвому военному ясно было: дальнейшее наступление всё равно захлебнулось бы, а то б и вовсе обратилось в свою противоположность. Да, до слёз обидно за Станицу и Счастье, которые сдали буквально за неделю до перемирия, не успев отбить обратно. Так потому и сдали, что «северный ветер» свернулся, а сами ополчения тупо выдохлись.

Да, теперь из-за потери той же Станицы нет железнодорожного сообщения с Москвой. А из-за потери Счастья большие трудности с энергетикой.

С последним ладно, помогла Россия-мать, бросила запитку со своей территории. А железка? Вот она, Станица-то, рядом – а не укусишь. И нет поездов...

Обидно, что не взяли уже окружённый и оставленный противником Мариуполь. Был бы хороший порт для обеих республик. Но тут уж политика: пришлось пойти на компромисс, когда американцы пригрозили в случае взятия Мариуполя поставить свою полноценную базу в Одессе. Так по крайней мере говорили...

Обидно, что Дебальцево осталось за украми. Теперь, чтобы съездить из провинциального Луганска развлечься в практически столичный Донецк, сохранивший, несмотря на войну, очень многое из своего прежнего блеска, надо восемь часов в автобусе шкондыбать по вовсе не хайвеям донбасским. А раньше – через Дебальцево на электричке за час! Ну, за два...

Обидно, что аэропорт Донецкий не освободили...

Всё это обидно, конечно. Но для тех, кто в теме, понятно: когда украинская армия все-рьёз навалилась на ополченцев, то при всех их тактических и даже оперативных успехах армия их всё равно дожимала. Ей, армии, и ещё три Иловайска было по фигу. Ибо машина. Их, котлов, было даже больше трёх – а Изварино? а аэропорт? а фактическая «дорога смерти» мимо Саур-Могилы? Но машина военная армейская и после этого функционировала. И двигалась бы дальше. Потому как государству может противостоять только государство.

Так что как сначала в ножки поклониться надо «отпускникам», которые совершили «бросок кобры» в августе, спасши тем самым республики в военном отношении. А затем не менее низко поклониться русскому президенту, остановившему войну на вершине успеха Донбасса.

На вершине, а не на взлёте – вот что принципиально важно! Взлёт ещё даёт путь наверх. А вот с вершины, куда ни пойдешь, одно направление – вниз...

Вот благодаря президенту и Минску и удалось разжиться таким необходимым строительным ресурсом, как время. Теперь появилась возможность не только отбиваться на фронтах, но и строить государство. Чтобы было что противопоставить нацистскому государству, возникшему на Украине. Тяжело, с кровью, с конфликтами – но идёт дело, создаются и государство, и армия!

Но всего разом не охватишь. Связь, например. Вот и мчался сейчас к коллегам-гэбистам посыльный с докладом о последних событиях и настоятельной просьбой выслать специалистов и бойцов своих на указанный адрес. Оттуда, соединившись, обе группы должны были двинуться по указанному Мышаком адресу, чтобы задержать укровского резидента. А этот везунчик – дважды за два дня в последнюю секунду не убили! – Кравченко подскакивает тут на стуле и ярится, что его не берут на операцию! А как его взять? На этой операции он – посторонний!

– Ты, Лёха, не волнуйся и не ори, – спокойно посоветовал ему Томич. – Славу у тебя никто не отберёт. На орден ты себе уже всяко наработал, и об этом мы обязательно позаботимся, верно, командир?

Насупившийся при последних словах Бурана Соколов кивнул.

– Вот видишь? Это тебе не кто-то с горы пообещал, а сам командир отдельного комендантского полка, понял? – веско проговорил Томич. – А ты...

– Да пойми ты, – с досадой прервал его Алексей. – Орден – штука хорошая. Но не за него я тут... Мне ж поквитаться надо!

– Вот! – поднял палец вверх Томич. – Ты и поквитаешься – как там у вас, архаровцев, принято. Чпок – и злодей отчёт чертям в аду даёт. А нам надо, чтобы он прежде отчёт нам дал, понимаешь? А для этого он нам живой нужен, и не иначе. Ты вон одного сегодня завалил уже. Хорошо, если выживет. И бабу напугал до смерти. Как зомби на табурете сидела. И всё выкладывала, как мышка перед котом, едва ты на неё глянешь. Так что ты истерику мне тут не мастери, как в том фильме говорится, а трезво содрогнись. Тебе ж ещё с бандитами разбираться за то, что одного ихнего едва не убил, а второго так жёстко примял. Тоже, что ли, один собираешься от них отмазываться?

В последней фразе звучала, конечно, довольно прозрачная угроза оставить Бурана без такой хорошей крыши, как комендатура, а то и ГБ. Но Томич вынужден был пойти на это, чтобы охолонул Кравченко, всерьёз, видно, решивший, что он тут один и закон, и правоохранительные органы. Разумеется, по «Тетрису» настоящие органы так и так пройдутся: зафиксированная сегодня связь между ними и украинской стороной требовала как изучения, так и пресечения. Но участие в этой тонкой работе такого персонажа, как прущий напролом медведь в образе пехотного спецназовца, на фиг никому не нужно было. Ни в каких конфигурациях.

И это было правильное рассуждение. Если бы не вмешался ещё один фактор.

Лысый.

* * *

Лысый, в миру Виталий Чупрына, 35 лет от роду, уроженец города Стаханов, судимый, уже некоторое время назад понял, что что-то пошло не так с этим злосчастным капитаном. Он вообще обладал тонким нюхом и чутьём на опасности, Чупрына, к настоящему времени закрепившийся в роли лидера группировки «Тетрис».

Названная так по имени спортивного клуба, в котором и зародилась задолго до войны, группировка не была слишком сильной и влиятельной. В том смысле, что куда влиятельнее были ребята с Юбилейного, предводительствуемые неким Мартыном. Серьёзные парни сидели на наркоте, совсем серьёзные – на угле.

Особой привязки по местности из-за этого не было, но чересполосица не мешала «бригадам» жить относительно мирно. Расселись по делам, распределились – не без стрельбы, конечно, но, в общем, довольно быстро разобрались с интересами. Донбасс – край сильных мужиков, со здоровой долей беспредельности. Но потому они умеют надёжно договариваться. Плюс нашли общий язык с деньгами.

Разумеется, перед олигархами с их денежными мешками пришлось подвинуться – а куда денешься против государства, хорошо подмазанного бабками? Но в целом все остались при своих. И даже такая относительно мелкая группа, как «Тетрис», имела свой кусок хлеба с маслом, и в её хозяйство давно никто не лез.

Всё сильно поменялось с началом войны. Пошли непонятные подвиги, перелаты. Эти долбаные ополченцы выставили блок-посты, вооружились, стали наводить свои порядки. Потому многим ребятам пришлось свернуться. Те же, что сидели на каналах дури, схлопотали несколько объёмных плюх и оказались вынужденными поделиться кое с кем из представителей новой силы. Кто-то ушёл на ту сторону, забрав деньги. Кто-то затаился.

Ему же, Лысому, деваться некуда. Его хлеб – жилищный бизнес, жилая да и корпоративная недвижимость. Он, можно сказать, на земле. Если наркоманы смылись туда, где не стреляют и где осталась старая добрая милиция, с которой можно договориться, а за ними потянулись и сидящие на накротрафике группы, то жильё никуда не денешь.

Тем более что на этом рынке сейчас движуха идёт разная и не всегда благоприятная.

Во-первых, много народу уехало. Потребность в жильё упала. Соответственно, упал рынок и доходы. Во-вторых, много недвижимости перешло в новые руки. И руки эти, как правило, цепко сжимают приклад автомата. Значит, договариваться приходится снова. В-третьих, сильно поредела прежняя милиция. Там, где раньше действовала чёткая схема от участкового до мэра, теперь не знаешь, с кем контактировать. А иной раз и найдёшь кого – так или фраером окажется беспонтовым, или, наоборот, смахивающим на фраера близким другом важного человека.

В общем, вращение пошло, и далеко не всегда понятное. Ухо надо держать остро, а палец – близко от спускового крючка. Ну и, конечно, поддерживать отношения с новыми властями, не забывая и о старых. Ещё точнее – не забывая старым властям сливать то, что узнаёшь полезного про новых. Бизнес – это такая штука, где надо крутиться одновременно по всем направлениям.

И тут вот эта хрень с капитаном-беспредельщиком. Вот ведь не хотел трогать его Лысый! Как знал, что неприятностей будет много, а толку... Вот чё ему, Лысому, лично от того, что задержал бы он этого мужика? Или вовсе прибил бы его Босой в больничке? Ничего! Моральное удовлетворение от Мирона. Благодарность. Ибо деньги, что он посулил, – вообще ни о чём! Ну, то есть деньги есть деньги, но на общем фоне эти несчастные несколько тыщ – ни о чём вообще! Тем более что сейчас вокруг этого капитана такая жара пошла! Вынь да положь Мирону этого военного!

А тот, похоже, парень не простой. И в теме. Вон как грамотно из квартиры ушёл! Будто знал, что Фагот на него охотится! Или вот сейчас. По-любому Босой должен был уже отзвониться, если всё в порядке. Типа: везём. Либо – завалили. А тут – ни то ни то. На телефон не отвечает ни сам, ни Дутик, что с ним в паре пошёл, ни водила.

А это значит, что опять что-то вышло криво. И опять перед Мироном непонятно, как ответ держать. А перед ним косога слепить нельзя. Во-первых, СБУ за ним. Во-вторых, сам он дядька из тех, из прежних. Мазу держит чётко. Ежели с ним вот так на делах скорешиться, то после окончания всего этого бардака можно будет здорово подняться. Ну что в принципе ожидать от ополченцев? Так, ежели размыслить, – просто новая банда пришла на готовый кошт. Объявила его отчуждённым и забрала себе. Но своих сил закрепить его не имеет. Позвала Россию. Та впряглась...

Но вот тут и есть разрыв! И зацеп для людей грамотных. Россия туда-сюда, но государство. То есть дела с ополченцами и строит как государство. Президенты там, главы, министры-шминистры... А реально-то речь идёт о куске бизнеса. Вернее – многих бизнесов. Тут тёрки намечаются по понятиям, а не по законам. И новые эти власти никуда не денутся: Москва там, а здесь придётся им делить тему с теми, кто её уже и так делит. За автоматы и прочие «Грады» мы тут промолчим – дурных нема с вооружёнными силами бодаться. Но реально дела всё равно решать придётся не вооружением, а договорённостями. И лишь когда понятия совсем разойдутся, дойдёт дело и до огнестрельных аргументов.

А тут капитан этот. И на хрен он не нужен был! Но уж больно серьёзных людей он, видать, обидел, раз такие, как Мирон, по нему задачи ставят! А как их выполнить? Не прост оказался военный, явно не прост!

Лысый вздохнул. А затем набрал номер одного из своих доверенных бойцов, бригадира, можно сказать.

– Слышь, Лом, дело одно есть, – бросил он в трубку. – Пошли-ка какого-нибудь шныря в областную больницу. Пусть выяснит, чего там ребята наши застряли... Просто пусть понюхает, узнает. А мы потом решим, что дальше делать...

* * *

Известия, принесённые из больницы, Чупрыну встревожили. И разозлили. При своём, в общем, не самом великом ранге в воровской иерархии он тем не менее был вполне себе в авторитете. А чтобы стать авторитетом в этом обществе, надо было изначально жить, имея привычку добиваться своего. Пусть даже по факту получается, что выполняет он заказ украинских националистов на сепаровского офицера.

Националисты, конечно, Чупрыне были по фигу. Криминал вообще интернационален, а уж на Донбассе особенно. Поэтому как это – удавливать ради тризуба, он не понимал. Удавить другого ради бабок с использованием тризуба как инструмента – вот это было правильно. Потому Лысый уважал «Правый сектор», немало бойцов которого – он знал – пошли в это движение не из идейных националистов, но из криминала и полукриминала. И в основном из русских областей юго-востока.

И бойцы эти, и вся их организация, хоть и не совсем уж близки Лысому, но были понятны. Дружить с ними – это перспективно. А главное – полезно на будущее. То, что работают пээсовцы под управлением СБУ – это к бабке не ходи. А СБУ однажды вернётся. И спросит за всё, кто что делал при сепарах. А «Правый сектор» будет при СБУ своей силовой структурой в воровском мире. Это если по простоте рассуждать. На деле же, понятно – как и прежде, свои структуры будут у каждого олигарха. Но СБУ будет над ними всеми.

А это – важно.

Лысый прошёл через девяностые сначала пацаном шнырявым – по-хорошему, конечно, без козливости. Просто на подхвате. Затем побывал простым бойцом, стал во главе пятёрки, потом дорос до бригадира. По всей лестнице, в общем. Пока не поднялся достаточно, чтобы и самому вложиться в бизнес. С согласия старших, конечно. А там потихоньку дело и пошло.

И главное, что он понял за эти годы, заключалось именно в том, что надо очень чётко следить за всеми силами и тонко улавливать их взаимные движения. Но в то же время не просто лавировать среди всех этих акул, но и самому не показывать слабости. Быть тоже акулой, да зубастой. Чтобы даже сильным лишний раз не хотелось покуситься на твой бизнес.

Поэтому контакт с Мироном был очень перспективным. После того как сепаров прогнали... А Чупрына был в этом уверен, так как прекрасно знал, что регулярных российских войск на Донбассе нет. А без армейской силы за плечами никакие российские кураторы долго не выдержат негласной, но жёсткой битвы со здешними олигархами...

Так вот, после того, как всё снова вернётся в прежнее состояние, поддержка СБУ, которой он, Лысый, окажет большую услугу, будет крайне важной картой в его личной колоде. Разумеется, на место Беса он не претендует, но подняться можно будет хорошо. А там уж как получится.

Чупрына, правда, не до конца понимал, на кой чёрт СБУ сдался какой-то капитан. Ну да, тёрки у него с «Айдаром», как Мирон сказал. Это понятно. И что? Снайпера бы хорошего нашли, да привалили его на фронте, раз уж в городе не получается.

Но, видно, были свои соображения у безопасников, коли они так поступать решили. И у него, Лысого, теперь одна задача – каким-то образом капитанишку этого завалить. Хотя бы. Если не удастся взять живым. А судя по тому, что произошло в больничке, этого добиться будет трудно.

Как поведал Лом со слов своего бойца, в больнице что-то пошло наперекосяк. Как рассказали тамошние медички, до поры всё было нормально. С полудня пошли посетители. Среди них – гражданский к этой бабе, что была контужена вчера на квартире. Затем сестрички ничего не видели, только слышали выстрел и звуки борьбы. Когда подбежали, то обнаружили, что один человек в военной форме лежит с огнестрельной раной в животе, другой – недвижим с разбитой головой, а посетитель той девки крутит руки женщине тоже в военной форме. Сам в гражданском был, да. Этот гражданский закричал, что работает в МГБ ЛНР. Потому к нему никто приближаться не стал, как не стали никуда и звонить – мужчина сказал, что патруль уже подъезжает. Потом действительно появились бойцы, представились, что из комендантского полка, задержали всех и увели. Кроме раненного в живот, который остался в больнице и сейчас то ли дожидается операции, то ли уже на операции. Ещё в больнице задержались двое комендантских, которые оформили акты, сняли показания, провели какие там необходимо следственные действия. Затем они тоже уехали.

Лысый задумался.

Очень хотелось назвать всё это беспределом со стороны этого проклятого капитана. Но по понятиям надо было признать, что это не так: он защищал себя и свою бабу. Как умел. Надо было Босому просто больше бойцов взять на операцию. Если медики говорят, что видели всего двоих, то где был в это время третий? Почему не в больничке? Женщина в военном – это наверняка та Лиса, о которой говорил Мышак. Она тоже, получается, загремела? Это плохо для Мышака.

Да вообще плохо всё, что произошло.

Лысый не привык сдаваться. Не то было воспитание. Не та биография. Да сейчас и сдаваться-то нельзя было. Что он скажет Мирону? Опять не вышло с капитаном? Какое после этого будет доверие к нему, Лысому, к его авторитету? И хоть одновременно он по-прежнему задним фоном ругал себя, что связался с этой темой, но понимал и её пользу. И цену провала:

если тему не закрыть, как то нужно Мирону, тогда с надеждами подняться с помощью СБУ надо будет распрощаться.

Значит, с капитаном дело надо завершать, как обещано. Даже и Мирону пока ничего не говорить. Потому как это будет в его глазах вторая неудача подряд после той, что совершил Фагот. Сегодня утром исчезнувший в промзоне за станцией Луганск-Северный...

И, кстати, эта потеря – тоже на совести гада-офицера. Фагот был парень полезный. Жаль, что приказ в отношении него от Мирона прозвучал так однозначно. А теперь что же – получается, Босого тоже надо списать? Тот, правда, ничего особенного не знал, кроме того, что офицера нужно задержать. Но хорошо бы и его с кичи вытащить побыстрее, пока он не запел про разные другие дела, известные ему в силу приближенности к вожаку «Тетриса».

И Лысый принял решение.

Глава 2

– Слышь, военный... Ты чего трубу не берёшь? – раздалось в телефоне Алексея.

– Не понял, – ответил он.

Он и вправду в первые мгновения ничего не понял. Этот номер не был известен ещё никому – он только утром купил чистую симку. Про него знал один Томич – но этот был рядом. Правда, уже фактически на бегу, когда ему доложили, что группа готова и препятствий для скорейшего выезда на Камброд нет. Мышак, справедливо решивший сотрудничать со следствием во избежание применения к себе настоящей методики допроса и дальнейшей почти неизбежной ликвидации, поведал очень подробно про адрес, подходы и систему защиты логова укровского резидента.

А кроме Томича этот номер успела узнать только Ирка – Лёшка сам забил ей в контакты нужные цифры. А это значит...

Он посмотрел на обратный номер, высветившийся на дисплее.

Рухнуло вниз сердце. Не от страха, нет. От бесконечной тоски, которую вызвало то, чего он ещё не знает, но узнает вот-вот. Узнает от этого чужого голоса в трубке Иркиного телефона...

– Звоню тебе, понимаешь, звоню, – почти доброжелательно пояснил голос. – Темка у нас с тобой возникла. Перетереть бы надо. А ты вне доступа. Не с девки же твоей начинать, как думаешь?

– Что с ней? – спросил Алексей, чувствуя, как к горлу подступает быстро сменяющая тоску холодная ярость. Упрямые, блин, бандюки пошли! Пора прорезивать всерьёз!

– Пока ничего, – с усмешкой ответили в трубке. – Больно квёлая, ребятам даже неинтересно. Но они могут преодолеть себя... Ей, кстати, уже страшно, – добавил похититель. – Вот она сама тебе хочет сказать...

В трубке возник голос Ирины:

– Лёша, пожалуйста, не отдавай меня... Я не знаю, кто они, но они всерьёз...

– Не отдам, милая! – успел крикнуть Алексей прежде чем в трубке снова раздался мужской голос.

– Ну, всосал тему? – лениво, с превосходством осведомился он.

– Если с ней что случится, тебе не жить, – прорычал Алексей.

– Не пугай, – отмахнулся невидимый собеседник. – Мне ты ничего не сделаешь. Руки коротки. Но из милосердия и снисхождения могу пока придержать ребят. Мне она не нужна. Мне ты нужен.

– На хрена?

– Ребят моих ты обидел. Ранил уважаемого человека. Не знаем, выживет ли. Схватил другого хорошего человека. Водила наш, полагаю, у тебя тоже. Надо бы вернуть ребят. И за беспредел ответить. А то жалуются на тебя люди. Так что надо постараться всё уладить. Вот, хочу тебя в гости позвать. С моими ребятами. Не то девке твоей кирдык. И непростой, сам понимаешь.

– Ребята твои не у меня. Они в комендатуре. Комендатура в деле, понял?

– Ты их туда сдал, ты их и вытаскивай, – безразлично ответил голос. – И особо не тани, а то у нас тут не подвал, а пристроечка. А в ней холодно – зима. А девка твоя в одной рубашонке больничной. Так что как только замерзать начнёт, придётся нам её оттуда забирать и самим разогревать. Ну, дальше догадываешься?

Алексей собрался. Сейчас нельзя показать слабинку, иначе конец им обоим.

– Ты бы обозвался, – порекомендовал он. – А то не знаю, как и обращаться.

– Имя моё тебе без надобности, – холодно сказал трубка. – А кликуха моя Лысый, и меня в городе все знают. А потом, общаться нам с тобою тоже без надобности. Перетрём эту тему, вернёшь ребят – получишь девку. На том и разбежимся.

Ха, «разбежимся»! Втирай кому другому, а вы за мной слишком упорно гоняетесь, подумал про себя Кравченко. Но плана, как вывернуться из ситуации, у него всё ещё не было.

– Со временем не получается, – сказал он между тем вслух. – Даже если я сейчас откажусь от показаний, раньше чем часа через три твоих людей не выпустят. Порядок такой. Так что давай иначе договариваться. Ты отправляешь девушку в тепло, а я привожу твоих бойцов. Мне они тоже не нужны. Но в комендатуре я не приказываю, так что процедура потребует времени.

В трубке задумались.

– Хорошо. Но если через три часа я тебя не вижу одного и без оружия, мы начнём вырезать на твоей девке узоры...

– Не пугай, – заставил себя усмехнуться Алексей. – Девушка моя, потому я за неё вписываюсь. Но если ты её обидишь, то обидишь, главное, меня. А я очень обидчивый, предупреждаю. И ежели что, сниму свою роту с позиций и не успокоюсь, пока не покрошу тебя и всю твою банду на салат оливье. Ты понял меня, Лысый? Друзьями нам с тобой не быть, но и врагом становиться не советую. Мои враги долго не живут. Зато умирают в мучениях. Впитал?

Сейчас только ответная наглость может дать шанс Ирине. Самому-то ему понятно что уготовано...

– Ты не ори давай, – ответил голос. – Ишь ты, пригрозил. У меня самого бойцов побольше твоей роты будет. Короче, как я сказал. Через три часа жду тебя одного и без оружия, но с моими ребятами у себя на базе. В квартале Дружба, они тебе покажут...

* * *

Итак, он выговорил себе три часа на подготовку. Два часа до атаки, как говорится. А там – то же самое, что под танки. Как в песне. Потому как сдаваться нельзя, ясен пень. Ребятишки-бандитики работают явно по заказу той стороны, а та сторона, судя по всему, конкретно решила удавить капитана Кравченко тем или иным способом.

И что мы в таком случае имеем?

Имеем мы свою роту. Которую, конечно, никто на самом деле с позиций снять не позволит. Но несколько проверенных бойцов – да в выходной, да в перемирие... Вполне. Даже и разрешения не нужно, достаточно его, ротного командира, слова. Во всяком случае, Злого, Куба, Еланчика, Шрека, Студента. Может быть, Балкана позвать? Он, правда, сам по себе, но вдруг согласится? А это уже сила!

Что мы имеем ещё? Из оружия – два, а то и три гранатомёта. Хватит, чтобы посеять панику среди бандитов или нет? Попросить бэтр у комендачей? Нельзя, если и дадут, – тут скрытность нужна, иначе замочат Иринку. Именно спецоперация, а не боевое. Так они, разведчики, – не СОБР и не спецназ ФСБ! Они незаметно и быстро убивать не умеют. И газ пустить, как на «Норд-Осте», тоже не получится...

Да и нет тут его...

Мысли эти ломанулись через мозг, как тот же СОБР, – быстро и решительно. Но тут же остановились, застигнутые в рывке окриком остановившегося на звонок телефона Томича:

– Эй, ты о чём задумался, Лёха? Штурм планируешь?

Надо же, догадался! Тяжело, наверное, сообразить было?

– А что? – процедил Кравченко. – Запретишь?

На всякий случай бросил беглый взгляд на Сокола. Тот выглядел озабоченным, взгляд Алексея встретил хмуро. Но промолчал.

– Так, давай сперва изложи, что тебе было по телефону сказано, – распорядился деловитый Томич. – Мы правильно поняли, что бандиты Лысого твою девушку взяли?

Алексей кивнул.

– Да. И за освобождение потребовали отдать им их парней, что я задержал.

Томич переглянулся с командиром, потом сказал:

– Ну, это можно. Теперь, когда мы знаем резидента, они нам уже не нужны. Кстати, командир, я рванул? Надо его брать, пока время не вышло.

Соколов кивнул:

– Давай, поторопись. Мы пока с капитаном сами помозгуем, что дальше делать.

Ах, Сокол, золотой ты человек! Неужто предложишь что?

Томич откозырял. Уже в дверях его нагнал голос командира:

– Да, и как возьмёте его, размотай гада на предмет, кто дал команду на Кравченко. Если он – сделай всё, чтобы он велел этому Лысому открутить всё назад с девушкой.

Томич сказал «есть» и исчез за дверью.

– А ты пока не нервничай, Алексей, – обернулся рассудительно Сокол. – Три часа ты себе выговорил и правильно. Сейчас нам надо всё продумать. Иначе и даму твою не спасём, и тебя потеряем. Это, хочу напомнить, не передовая, а город. Про такой орган, как прокуратура слышал? Вот то-то. Рауф, открою тебе тайну, покамест дело Бледнова крутит. Но и без него найдётся кому тобою заняться. Особенно в свете дела твоего бывшего командира. Прикинь, как вкусно тебя было бы привязать к нему! Командира убили, а его бывший доверенный офицер стал творить беспредел по Луганску. Это сейчас бандиты чуток растерялись, за свои связи не дёрнули. Но дёрнут, не волнуйся. А тогда...

– А тогда мне уж всё равно будет, – пожал плечами Алексей. – Мне сейчас женщину свою выручить надо. И что-то мне в душе говорит, что – любой ценой. А значит, либо некому будет за связи дёргать, либо незачем. Если меня не будет.

– Ты погоди, не ершись, – умиротворяюще проговорил Сокол. – Пока что всё за тебя. Твои действия в больнице помогли нам выйти на «крота», который сдал нам украинского агента. Если Томич его сейчас возьмёт нормально, то по этой линии вопросов быть не должно. Просто напишешь мне сейчас заявку, которую мы проведём утренним временем. А я наложу резолюцию с требованием провести, обеспечить, помочь и так далее. Тогда пальба твоя в больнице станет вроде как при проведении оперативного мероприятия. С вопросами не слезут, но отбиваться будет уже интереснее. Тем более если ты отправишься к себе в роту и нос оттуда высунешь только на награждение за взятого агента противника. Как тебе такая комбинация?

Алексей вынужден был согласиться, что да, красиво. В полицейских делах он разбирался слабо – постольку-поскольку, в рамках тех пересечений, которые служба войсковой разведки изредка имеет со службой полицейской. То есть почти никаких пересечений. Но как оперативник «Антея» он имел представление о том, как можно отбиваться от прокурорских. Так что пока у Сокола всё чётко.

За исключением одного момента: получится, что комендатура поручает терпиле работать по собственному делу?

– Нет, зачем, – отверг такое предположение Сокол. – Мы приняли твоё заявление, признали тебя в опасности, разрешили – со своей стороны – использовать при опасности табельное оружие и взяли расписку в том, что ты всё осознаёшь и добровольно соглашаешься на сотрудничество в целях помочь ОКП в обезвреживании преступников. Доброволец ты у нас оказываешься, понял?

Алексей только крякнул, покачав головой.

– Жаль, урод этот, Мышак, укровским «кротом» оказался, – развёл руками Соколов. – Он как раз мастер такие бумаги составлять, надо отдать ему должное. Но это ничего. С тебя же объяснения по поводу взрыва на квартире взяли?

Кравченко кивнул.

– Ну, вот и ладушки. Теперь пиши заявление номер раз: «В связи с нападением на меня и тэ дэ прошу рассмотреть и положительно отнестись к моему желанию помочь отдельному комендантскому полку найти и обезвредить преступников в рамках соответствующего уголовного дела. Готов добровольно оказывать ОКП необходимые в этом деле услуги».

Алексей длинно посмотрел на Сокола.

Тот ухмыльнулся:

– Да, ты правильно подумал. При желании можно считать вербовочным заявлением. Более того, скажу: будет на то твоё желание – возьму к себе. На хорошую должность. Побольше командира роты. Ты, Лёша, – можно так? – с удачей дружишь. Два раза подряд из-под реальной смерти вывернулся, да попутно нас на такой цветник укровской агентуры вывел, что любого дорого по нему потоптаться теперь. Что тебе в корпусе делать? Там перемирие. А эти вылазки ДРГ, в том числе и с твоим участием, сам знаешь, в реальности дают мало. Зато жизни забирают регулярно. Про охоту твою я знаю, даже уважаю. Но если когда надумаешь не укров бешеных отстреливать, а государство строить, правопорядок в нём наводя по-настоящему, – то придёшь, можно сказать, к своим. Так что подписывай, не беспокойся. Давить не буду, а ежели надумаешь – дверь открыта. А у меня – больше оснований тебе помогать. В том числе и вот сейчас, с твоей девушкой.

Нет, положительно! – в последние дни вербуют его все просто бешено! И главное, логика при этом у всех необоримая. Вроде как не к себе вербуют, а ему, Лёшке Кравченко, помочь хотят!

– И второе заявление пиши, – продолжил Сокол. – «С целью наилучшего выполнения задач и поручений ОКП прошу разрешить мне пользоваться собственным табельным оружием, внесённым в служебное удостоверение». А также, скажем, оружием, выданным в воинской части...

Алексей быстро начеркал то, что требовал Сокол. Вздохнул, вспомнив, что время не ждёт:

– А дальше что? Я хочу своих позвать...

– А вот дальше как раз прокуратура и начнётся, – отрезал Сокол. – Ежели мы сейчас с тобой по-умному всё не изобразим. Никакой группы. Нет у неё права на задержание ходить. Пойдёшь с нашими.

– Я их не знаю, – заупрямился Алексей. – Как взаимодействие наладить?

– А ты что, на штурм, что ли, собрался? – удивился комендач. – Так это тебе не фронт, повторяю. Тут – наши граждане. Ты ж работал в правоохранительной системе, мне говорили...

Буран хмыкнул. Ну, если «Антей» занимался правоохраной... Хотя, если вдуматься, он ею и занимался. Только своими методами, чуть эластично закон трактуя. Хотя тем самым его же защищали, никакому криминалу пути не давая. Жизнь слишком велика даже для десятка кодексов, говаривал, бывало, шеф.

Ну, так сейчас-то разве не тот же случай, когда нужно несколько отступить от кодексов мирного времени?

– Не тот, – весомо уронил Сокол. – Штурмовать их мы, конечно, готовиться будем. На случай оказания сопротивления. Но для этого нужно законную базу создать. Ты занят был, что ли, когда я приказывал ребятам Мышака прежде всего на связи резидента с бандитами крутить? Внимательнее надо быть, товарищ Кравченко. Вот сейчас получим протоколы за подписью подозреваемого, будут у нас правовые основания выдвигаться на задержание других подозреваемых. Может, даже и вовсе без тебя, заметь. Мы на них как бы независимо выйдем. Ну а по ходу дела и о девушке твоей вспомним. Предложим им участь свою не усугублять.

– Не годится, – решительно ответил Алексей. – Я там должен быть. На всякий случай. Думаю, я лучше ваших вчерашних механизаторов и шахтёров умею действовать в таких ситу-

ациях. И боец мой мне нужен будет. Если что, можно не документировать наше участие. Типа, ваши задержали, а мы не при делах. И «винт» мой привезёт...

Полковник пожал плечами. Он твёрдо надеялся ни до какого «особого случая» дела не доводить. Бандиты – не враги. Нет, не друзья, конечно, но всё же граждане. Нельзя их мочить так же, как врагов на поле боя. То есть иногда хотелось бы, но – нельзя. По закону. А значит, комендатура может позволить это себе только в определённых законом случаях. Но осмелятся ли «тетрисы» оказывать вооружённое сопротивление, как какие-нибудь дагестанские ваххабиты, давая спецназу вождеденное право стрелять на поражение?

Не факт, ой не факт! Да и слава Богу, наверное.

– Капитан Кравченко, – строго, подпустив командирского металла в голосе, сказал полковник Соколов. – Если вы не хотите, чтобы я вас отстранил от участия в операции, то извольте слушать приказ. На данный момент вы вместе с капитаном Холодовым, он же Лёд, формируете штурмовую группу. При этом вы оказываете консультационные и прочие вспомогательные услуги. Для обеспечения огневой поддержки штурмовой группы разрешаю вам пригласить одного свободного от службы бойца, который случайно оказался в городе...

– Двух, – быстро вставил Алексей, у которого в мозгу высверкнула идея предварительного плана. – Двух нужно. Больше не прошу, но двух обязательно. Зато без стрелковки, только с пистолетами.

Сокол посмотрел на него, вздохнул и сказал:

– Хорошо, двух. Уровень ответственности за них сам понимаешь. Далее. В ходе переговоров с подозреваемыми никаких самостоятельных действий не предпринимать, на глаза им не показываться. На какие-либо силовые акции выступите только по моему приказу. Приказ ясен, товарищ капитан?

– Так точно, – мрачно ответил Кравченко.

Обошли, как говорится, со всех сторон. Самостоятельно даже Ирку выручить не получается...

– А ты чего хотел? – Сокол, глядя на его мрачное настроение, решил расставить все точки над «ё». – Мне ли тебя учить законности? Пусть у нас тут своя специфика создающейся государственности – но создаём-то мы её по российскому образцу! А в нём мы кто? Комендатура, я имею в виду. Часть вооружённых сил. Находимся в оперативном подчинении Министерства обороны ЛНР. Разумеется, при и на постоянной связи с Главой. Потому занимаемся широким кругом задач – от непосредственно боевых до обеспечения правопорядка. А какого? Отметь себе: комендатура – это пограничная полоса между военной службой и гражданской жизнью. То есть: если случаются происшествия с участием военных и гражданских лиц, мы эти ситуации урегулируем. Если вдруг какие-то люди в военной форме или с оружием заходят в магазины, дома и что-то там отбирают, неадекватно себя ведут или просто находятся в пьяном состоянии – нам звонят, докладывают. И наша работа – эти безобразия пресечь.

Потому, к примеру, к тебе в больницу наряд комендатуры вполне законно зашёл. Напали на военнослужащего. Попытались подвергнуть незаконному задержанию. И, по-хорошему если получится, то конфликт разрулил именно комендантский патруль. И оформил в законном порядке, подчеркну ещё раз, а ты запомни!

Алексей пожал плечами. Ясное дело! И?...

– А Томич, тоже отметь, не один поскакал резидента брать, а вызвал ещё наряд МГБ, хотя сам гэбэшник. Почему? Потому как это дело уже не только военной контрразведки как таковой – это ещё хорошо, что ты тут затесался как военнослужащий, – а контрразведки государственной, – наставительно продолжил начальник комендатуры. – Мы, конечно, тоже не пятое колесо в телеге, напрямую на Главу выходим, но и то – в одиночку нам такие дела кусать не по рту будет. Понятно?

Алексей развёл руками. Он-то при чём? Он свою женщину из рук бандитов вырвать хочет, не более.

– А теперь представь, что мы тут трюх-трюх и полезли с бандитами твоими воевать. А они-то – гражданские! А гражданские находятся, чтобы ты знал, в ведении самой крутой правоохранительной конторы – прокуратуры. С нею только ГБ бодаться может – и то в основном из-за соображений секретности. Но ежели обнаружится, что гэбэшники в чём-то прокололись с точки зрения закона – то даже их участь будет... скажем, беспокойной. Понятно, что Бортника, главу ихнего, даже не на уровне Главы утверждали, и на данный момент генпрокурору он не по зубам. Так же, как и командующий корпусом. Но дерьмеца прокуратура – на полном законном основании, кстати, – подпустить может много. А в нашем политическом положении ни Главе, ни Москве этого вовсе не нужно.

– Вот так и выстраивается в республике система сдержек и противовесов, – ядовито хмыкнул Кравченко, которого начала несколько угнетать эта лекция, в то время как с Ирккой делается неизвестно что. Впрочем, всё равно ждать Злого и, возможно, Балкана, которого тот обещал вызвонить. Оперативная пауза, так сказать...

– И то, – согласился Сокол, блеснув очками. – Но мы, комендатура, вообще за рамки этой системы не выглядываем. Мы – полностью внутри республики, усекаешь? Вместе с МВД и прокуратурой. И теперь прикинь, что будет, если твои бандиты – гражданские, повторюсь, люди! – обнаружат, что на них напал военный. Даже один и без оружия. МВД будет обязано защитить их, а не тебя с друзьями, какими бы заслуженными вы ни были. И прокуратура станет на сторону кого, как думаешь? А приказа командования у тебя на эти действия нет, потому как и для армии это – не её сфера деятельности. И я скажу тебе, кем вы сразу оказываетесь.

Он строго посмотрел на ссутулившегося, уже всё понявшего Кравченко:

– А оказываетесь вы незаконным вооружённым формированием. Бандой, иначе говоря. И как это будет выглядеть в глазах всех – вообще всех, подумай! – когда обнаружится, что незаконным вооружённым формированием командует кто? – один из бывших ведущих боевиков Бэтмена! Прикинул? Что сделали с Бэтменом, ты, уверен, в курсе. Ответственность за его устранение – только пока не для передачи! – уже берёт на себя генпрокуратура. Рауф в ней работает с 2000 года. И связей у него из прежней жизни осталось, сам понимаешь, немало. Представляешь, какую радость ты для него доставишь, коли ринешься на невинный спортивный клуб, некогда входивший – и до сих пор входящий – в систему олигарха Коваленко? Который, чтоб ты знал, чалится сейчас в Северске и оттуда управляет здешней собственностью. И который, чтоб ты знал, тесно связан с Евграфовым, тоже олигархом и прежним политическим хозяином Луганщины. Который был важной шишкой в Партии регионов, а она в том или ином виде обязательно воскреснет. Потому что никто больше не способен хоть как-то контролировать Донбасс. А значит, и Киев рано или поздно к ней обратится, пусть и под другим названием, и... Догадываешься?

– Москва?

– Именно. У неё тут тоже больше легальных политических рычагов нет. Во всяком случае – пока что, покуда она ЛНР не признает. А она её не признает ещё ой как долго... Вот теперь добавь в мозг картинку того, что именно мои ребята сейчас продолжают бодаться с набывчившимися парнями из «Бэтмена». Потому как одна из задач комендатуры, важнейшая на сегодня, – разоружение вооружённых подразделений, не подчинённых Народной милиции ЛНР! Или иным официальным силовым структурам. То есть ты автоматически вылетаешь ещё и из корпуса, а я при всём моём нежелании буду обязан твои действия пресечь. А при сопротивлении – что?

– Уничтожить... – глухо завершил Алексей.

– Ну вот, не прошло и года! – изобразил ироничную радость Сокол. – И даже у меня в голове ворочается мысль нарисовать такую красивую комбинацию с Бэтменом, тобою и бунтующими военными, готовыми подрывать власть республики ради... ну, там придумаем.

Алексей воззрился на него, испытывая что-то вроде нарастающего «буха» в голове. Наружу оттуда вылетали, как осколки, матерные слова. Одно из них он в себе не удержал.

– Вот-вот, Алексей. Потому, не скрою, вчера первые мысли были, когда узнали про взрыв у тебя в доме, что это – одна линия с Бэтменом. Хорошо, там сразу несоответствия начались, да и гэбэшники за тебя вступились. Иначе быть тебе сейчас на подвале. На очень коротком поводке ты сейчас находишься, товарищ капитан Кравченко. Любой дёрнет за него – и ты в проблемах. Крупных... И пока лучше не отсвечивай, а то окажешься вне закона. Оно тебе надо? Оставайся на светлой стороне, джедай! В смысле, за нас. В больнице ты отбился – это ненаказуемо. Но больше чтобы ни одного самостоятельного действия! По крайней мере на территории Луганска.

Еще имей в виду, что и казакам недолго в самостийность играть. Гибель твоего бывшего командира они восприняли сугубо озабоченно – дают сигналы, что с ними так не надо делать, они, дескать, готовы подчиняться республиканской администрации.

– Ладно, – заключил Сокол. – На часы я смотрю, не переживай. Время ещё есть. Иди, планируй операцию со Льдом. Он мой зам по боевой, очень грамотный человек. Но ты – на вторых ролях, учти. Ради себя же.

Алексей припомнил эпизод легендарного фильма: «А теперь, Штирлиц, идите и отдайте себе отчёт, как я вас перевербовал за пять минут и без всяких фокусов!» Захотелось даже смерить Сокола тяжёлым, как Штирлиц Мюллера, взглядом.

Но он только ответил:

– Есть!

* * *

Получив план помещений «Тетриса» у заправленного Босого, Алексей и Лёд, в миру, оказывается, звавшийся Олегом Викторовичем Холодовым, приступили к разработке операции.

План поддавался трудно. Мало исходных данных. Плюс – наличие заложницы без внятного понятия о месте её содержания. Ну и плюс плюсов – то, о чём с таким предостережением говорил Сокол: до объявления кого-либо террористом или преступником он по умолчанию является гражданским человеком. И для его задержания нужна милиция. Или в лучшем случае – госбезопасность.

Конечно, комендатура, да в подвоенном Луганске, да с её всеми принятым к сведению участием в боевых действиях – особая статья. Но принципиально правового положения именно сейчас это не меняет. Боевая операция против гражданских – это громадная самоподстава. По нынешним временам.

Об этом напомнил Лёд, добавив заодно, что дело о нападении на квартиру Бурана передано для расследования в МГБ. И его, Олега, зама по боевой командира комендатуры, напрягает как раз это – что за скоро уже сутки гэбэшники вокруг дела не нарисовались. И Бурана пока даже не опросили.

На что Алексей, покумекав над этой загадкой, высказал предположение, что вчера около квартиры какой-то паренёк с него показания снял в присутствии Томича, а дальше потому ничего не было, что всё покатилося, как снежный ком, и следяку гэбэшному его просто некогда было бы и выцепить. К тому же у него и номер в аппарате телефоническом сменился. К тому же – с тем же Томичем он, Буран, в контакте. И вчера последним контактом его был опять-таки представитель ГБ.

Более опытный в местных правоохранительных раскладах Лёд как-то неопределённо хмыкнул. Но согласился, что МГБ на данный момент действительно занято делами поважнее взрыва в пятиэтажке – ещё неясно, как обернётся дело с Бэтменом и его остервеневшими бойцами. А потому, лично он, Лёд, полагает, что Буран прав. Следак свои бумажки потихоньку кропает, а покамест историю с Бураном тамошние ребята с удовольствием сбросили на Томича. И пока тот в курсе, что делает Буран и что делается вокруг него, особо не напрягаются.

К тому же – праздник, народ вон вокруг ёлки перед театром тусуется, деток прогуливает, пивком оттягивается – а ну-ка укры рвануть что задумают? Все, кто можно, в усилке, и ушки на макушке. И так вон без света в новогоднюю ночь сидели...

Впрочем, завершил он свою размеренную речь, можно быть уверенным, что как только Томич заарестует гада-шпиона, группу приданную уже не распустит, а прибежит с нею сюда. А на ней верхом прилетит гэбэшный майор, а то и подполковник, чтобы взять операцию под себя. Потому что когда местная бандота ходит в прямых агентах у СБУ – это уже не шутки, а ситуация, блин, критическая. А ежели там, в «Тетрисе» этом – вообще тайники для ДРГ противника? Очень удобно: заходишь в город под видом мирняка, а там раз – и ты уже вооружённый диверсант. Нет, эту ситуацию надо пресекать непременно. И дело уже не в одной уважаемой даме сердца уважаемого Бурана. А значит, ГБ нарисуетя вот-вот...

Тем не менее план начали составлять сами. Время поджимало. Минут пятнадцать надо ещё оставить на дорогу, на подъезд. А известен ведь военный закон: чем больше бойцов, тем дольше их собрать, перебросить и развернуть.

Развернуть их незаметно не удастся: город вокруг. Появление же комендантских на виду сразу ставит под угрозу жизнь заложницы. Ультиматум выдвинуть? В расчёте на то, что не все бандюки там, а кто бандюки – не все вовлечены в украинскую шпионско-диверсионную сеть? Так тоже бабка надвое сказала: те, кто вовлечены, поймут, что примут их по полной. А те, кто не вовлечены, окажутся вовлечены, потому как защищать своих обязаны, иначе запахло. И опять же – заложница...

Осложнялось всё положением спортивного клуба. Сам он размещался на третьем этаже торгового центра. А на первом – универсам. Значит, постоянная толпа гражданских. На втором этаже – ресторан, тоже, естественно, бандитский. Там Лысый обедал-ужинал, отмечал заключение сделок. И там у него свой кабинет. А в обычном зале – опять же гражданские сидят. Тем более – не утро уже, да к тому же праздник. Подтягивается народ.

Третий этаж – спортзал с коврами-рингами и силовыми железками. Раздевалка, душ, тренерская – как положено. Где-нибудь там, в замаскированном под подсобку помещении, складируется наверняка и оружие.

В другом крыле, отделённом от этого лестницей – что-то вроде офисного центра. На первом этаже – публичные конторки, типа нотариальной и юридической. На втором – офисы фирм, риэлтерских и прочих. Принадлежащих Лысому или в которых он в доле. Здесь же отираются боевики, изображающие охранное предприятие. На третьем – помещения собственно Лысого: его личная фирма-прикрытие под претенциозным названием «Геракл», помещения для отдыха и так называемого релакса, включая сауну и прочее по мелочи.

Внизу – подвал, с парой блоков под камеры и допросной.

Кудряво, в общем, разместился Лысый. Всё что нужно и что любит. Государство в государстве. Но в то же время под вполне легальным прикрытием офисно-торгового центра.

И что в этих условиях предпринимать, было непонятно.

Часы между тем тикали, время сжималось неумолимо. И Алексей принял решение, которое вызревало все эти минуты, пока они обсуждали диспозицию.

– Вот что, – сказал он. – Прямо тут действовать нельзя. Можно – на живца. На меня, значит.

– Ну-ка? – заинтересовался Лёд.

– Лысый меня в лицо не знает, – проговорил Алексей. – Иначе не устроили бы эти ребята опознавание в больнице. Значит, я минут за пять-десять до момента «Х» захожу в их ресторан, один, как и обещал. И без оружия.

– М-м? – поднял брови Олег.

– Оружие будет у группы прикрытия, – ухмыльнулся Кравченко. – Минут за пять до меня туда должны пойти мои и ваши ребята под видом обычных гражданских. Злой вот-вот придет. Лучше было бы, конечно, пару девчонок с ними, для отвода глаз. Но это опционально.

– Да брось, найдём, – заверил заинтригованный Лёд. – Есть у нас девушки. Даже и с подготовкой. Но дальше-то что?

– А дальше так. Я звоню Лысому, говорю, что приехал. Как обещал, один и без оружия. И жду его в его же ресторане. Он неизбежно заинтересуется таким раскладом. Валить он меня сразу не будет – люди вокруг, да и мужики его не при мне, а на улице в машине сидят. Кстати упоминаю, что они под охраной пока что комендантских. Это чтобы он боевиков не послал освобождать их без меня. А заодно и мне защита-оборона: он выпитывает, что это здесь я один, – а там меня вооружённые бойцы пасут и моей команды ждут.

Я требую подвести ко мне девушку. Тогда, мол, освобожу твоих. Если он ту игру ведёт, которую показывает, то он мне её отдаст. Но из зала выпустить не позволит. А я, типа, даю команду на привод моих как бы заложников. Для вас она означает команду на захват. Мы вяжем Лысого с его бандосами в зале, а вы с бойцами врываетесь снизу на лесенку и берёте под контроль его офисы и зал.

– Ничего, – подумав, кивнул Олег. – При нашем недостатке во времени – сойдёт. Но если он другую игру ведёт? Смотри: стреляли ведь уже в тебя. Потому не пойдёт он к тебе в ресторан, а братков своих пришлёт, чтобы к нему в офис тебя привели. А по пути вальнут тебя.

– Не думаю. Что-то ему ещё нужно. Он же быков своих в больницу прислал, чтобы забрать меня, а не валить. То им было бы проще. Я так полагаю: если он связан – а мы теперь знаем, что связан, – с СБУ, то от них, поди, и команда пришла. А для гэбэшников, сам знаешь, нет слаще радости, нежели врага живым заполучить и на месте его обрабатывать.

– Э, стой-стой! А выстрел из гранатомёта по окнам? Это не вписывается.

– Не вписывается, согласен. Не знаю ответа. Возможно, эксцесс исполнителя. А скорее всего, потому и гранату кидали, чтобы не убить, а... нет, отставить! Граната в замкнутом помещении... Ирке повезло, что в ванной находилась. Да, снимается, – с сожалением покачал он головой. – Но иного варианта сейчас всё равно не вижу. Или штурм. Но тут уже теряется внезапность. И подтягиваются прокурорские, менты, пойдут согласования, переговоры... А злодей за это время уйдёт, а Ирину убьёт. А так у нас – обычное оперативное задержание в рамках выявления укровской агентуры. Самая ваша сфера ответственности.

– Да, это ты верно, – согласился Лёд. – Ладно, за неимением гербовой пишем на туалетной. Пошли к Соколу, утверждать план.

Но к Соколу они не успели.

В помещение, где они совещались, ворвался Томич. И не деловитый, как обычно. А что называется – излучающий.

– Ну что, товарищи командиры, совещаетесь? Разрешите присутствовать?

– Ты чего такой довольный? – осведомился Холодов. – Чуть с ног не сбил. Негде тебе присутствовать, мы к командиру идём.

– А-а... Пока не идёте. Свои результаты я ему доложил, он велел прямо к вам идти, план откорректировать, если потребуется. В соответствии с новой информацией.

– Ну-ка, ну-ка... – нетерпеливо потребовал Лёд. – Задержали? Допросили? Что сказал?

– Задержали, допросили, – по-кошачьи сыто ответил Томич. – Дал показания. Вкусные-е! А ты, Буран, чего молчишь?

– Да что буду вмешиваться в чужие разговоры? – картинно развёл руками Алексей, заражая потихоньку излучаемой Томичем радостью. Хотя лично у него оснований радоваться пока что не было. – Я, господа комендатура, у вас гость. Что не так скажу, так и на подвал кинете...

– Не, ты глянь, скромник! – повернулся к сослуживцу Томич. – Гость он! Вот верно: на подвал бы тебя, чтобы не выделялся тут!

– Инстинкты комендача? – ядовито поддел его Алексей.

– Вот злодей! – восхитился тот. – Такую кашу заварил, на нас же её опрокинул и ещё невинность корчит! А я вот и не знал, что за тобой, оказывается, Москва присматривает. Прикинь, Олег? Митридат, коллега мой там, – он махнул головой в неопределённом направлении, – звонит, он в Москве сейчас, волнуется, что Бурана достать не может...

Лёшка чуть не хлопнул себя по лбу. Ну да, симку поменял, а Мишке с нового номера отзвониться забыл! Ох и врежет тот, когда вернётся!

– .. Ну и говорит, что в Москве, мол, интересуются случаем с Кравченко и просят, чтобы мы тут повнимательнее к делу подходили, побыстрее злодеев обезвредили. Прикинь! Москва о нём волнуется! Прямо хочется спросить, на кого работает капитан Кравченко. Но боязно как-то: приедут его кураторы, надают нам тут по шапке...

Алексей насупился. Просто не знал, что ответить. Слыть «московским человеком» не хотелось. Это как быть любимчиком учительницы в классе – все вокруг полузавидуют-полупрезирают, и друзей у тебя нет.

– Ну, ладно, мужики, время не ждёт, – поменял Томич тон. – Слушайте основную информацию и давайте быстро приводить ваш план в соответствие.

Значит, так. Фигурант наш оказался, к сожалению, резидентом не СБУ. Так что орденов нам не светит. А оказался это простой дядечка по фамилии Мироненко и по кличке Мирон. Но стал он однажды убеждённым украинским националистом. И на этой почве омайданился в корягу и сошёлся уже с чистыми нацистами из батальона «Айдар». И стал у них тут связью. Ну, постепенно оброс агентуркой, сошёлся с криминалом – там не один «Тетрис», ещё банды помельче и разные бандосы россыпью. Сошёлся с ними не на политике, а чисто по жлобству: надувал щёки, изображал «смотрящего» от СБУ и на этом обогащался, отжимая даже у бандюганов дань на, типа, борьбу.

– Это пока по косвенным, вдумчиво побеседовать времени просто не было, – оговорился Томич. – Но раскрутим. А с «Айдара» ломил бабки якобы на подкуп агентуры. Ну, подкупал, конечно, но немало и себе оставлял. Они ж нацики, им как Буратинам: на нацика не нужен нож, ему с три короба наврёшь и делай с ним, что хошь. Вот он им тут и лепил про выстроенное и выложенное подполье, только и ждущее возвращения в ридну нэньку...

Да, а тут «айдаровцы» наконец связали падёж в их рядах не только с собственной глупостью и военной тупостью, но и вот с ним, – он мотнул головой на Лёшку. – Дошли до них слухи, что некий Буран прореживает их целенаправленно, из мести за отца. Очко у них и сыграло. Но как пресечь его дикую охоту? Так у них же выдающийся резидент сидит в Луганске, чуть ли не самого Главу с рук кормит! Вот и поставили перед ним задачу мстителя нашего неуловимого выловить, изъять и доставить к ним. На худой конец – завалить.

Дальше – понятно. Реальной агентуры у него тут не было, а тут ведь боевики нужны, чтобы такого лося, как Буран наш, изъять. Даже целая боёвка, если учесть его подготовку. Следаки для начала нужны – они ж про него только позывной знали, да что у Бэтмена начал. Затем наружка. Ещё силовиков минимум трое, снайпер. Или киллер, на худой конец. Где взять? А бандосы под рукою! Вот и связался он с «Тетрисом», который контролирует квартирную и риэлторскую мафию, чтобы выявили, где живёт такой-то военный. А те уже подтянули нашего гниду Мышака, который со своей стороны с «тетрисами» якшался, на интересах отжи-

мов квартир. Он-то и нашёл Бурана нашего по спискам награждённых. Там ещё такой вкусный фруктик нарисовался в аппарате Народного совета, я вам поведаю!

Короче, нашли. А исполнить как? Бандиты же! Вот и придумали что попроще – гранату в окно. И агент наш, глубокого залегания, согласен был: чё, мол, возиться и подставляться с изъятием – стрельнули, завалили – и порядок! А бабки, что ему «Айдар» на акцию выделил, попилить.

Ну, дальше вы знаете. Бурана на месте не оказалось, но бабки уже получены и зажаты, да и спросить могут боевые товарищи бандеровцы за неисполнение. Но тут Мышак докладывает, что хоть Бурана и не достали, но ранили его даму. Резко принимается другой план – брать его в больнице во время посещения.

И, кстати, как я понимаю теперь, могли тебя, Лёша, завалить там. В принципе грамотно обложили: следящая от комендатуры под видом охраны, да два бойца. Никто б и не дёрнулся, если бы тебя на месте завалили. Но тут уже Лысому, пахану их, захотелось выслужиться перед, как он полагал, СБУ. То есть взять тебя живым и передать на ту сторону. Связи у них есть, чтобы мимо блок-постов такой груз вывезти. Ну а ты оказался орешком не по зубам и сам изъясил исполнителей.

Но этого фигурант наш уже не знал, как и про взятие заложницы. Тут, наверное, Лысый то ли сюрприз хотел ему сделать, то ли, что скорее, обойти на повороте. Но и это оказалось к добру: шпион наш проникся, что ему грозит в совокупности, коли он паровозиком пойдёт. Он-то, видишь, рассчитывал тихо сидеть, а если что – валить именно на бандосов, потому что улики были бы против них как исполнителей, а против него – лишь слова. Оно и щас так, – ухмыльнулся Томич. – Но уже на подготовке к военно-полевой форме допроса сломался и запел. Даже очной ставки с Мышаком не пришлось проводить. То есть проведём ещё, но время уж больно поджимает. Так что давайте свой план, будем смотреть...

* * *

План был скорректирован не то чтобы кардинально, но с известным изяществом, присущим «конторе». Чувствовалась то ли школа, то ли рука Москвы. А скорее всего, и то, и другое – в МГБ, поди, сидело немало грамотных мужиков ещё советского разлива, да и консультантов из России наверняка хватало. Что бы там ни вопила эта непонятная личность Беглов, но даже по этому и по многим другим признакам было отчётливо понятно, что никакого слива Донбасса Кремлём нет и не предвидится. «Россия-мать с тобой!», – как в песне поётся. Иное дело, что не подменяет она собою два новых государства. А выращивает их под своим крылом, как наседка. Чтобы когда-то отпустить в свободное плавание. Ну, или в не менее свободный, ибо суверенный, выбор, присоединяться ли к кому – и к кому.

В целом разработку Кравченко и Холодова Томич одобрил. Только добавил два элемента от своей истинной конторы.

– Значит, вот что, – резюмировал он. – При нашем дефиците времени это хоть и рискованно, но единственно возможно. Только к скрытой охране со стороны комендатуры я добавлю своих людей. Поскольку дело ведёт МГБ, то у нас здесь всё оборачивается простым задержанием. А не войсковой операцией. – Томич со значением посмотрел на Алексея.

– Потому, Лёша, прости, не будем мы делать звонок от Мирона Лысому с требованием отдать девушку, – продолжил он. – Чтобы не спугнуть. А именно задержать, поймав на деликте. Так что придётся тебе, брат, живцом всё же поработать. А позвонит он потом сам. Тогда и команду получит не дёргаться.

Томич посмотрел на Льда и обратился уже к нему:

– И когда Бурана поведут к Лысому или сразу на подвал, вы бандюков не валите, как собирались, а просто плотно следите за их действиями. На случай, если у ребят из ГБ что-то не

сработает. У тех же будет задача в тот момент, когда Лёху примут и поведут, подойти к нему, предъявить удостоверения и объявить о его аресте.

Что делают бандиты? Бандиты теряются. Не готовы они будут воевать с ГБ, чтобы отбить задержанного Кравченко. Значит – звонят Лысому. Лысый что делает, узнав о таком неожиданном раскладе? Идёт разбираться сам? Верно: вряд ли. Скорее он будет в атаке звонить своему шпионскому боссу Мирону и спрашивать инструкций. А тот сидит у нас на подвале. И очень злой на Лысого, который хотел его обойти, а в итоге подставил по полной. Ибо теперь всё, что бандюки натворили, повисает на нём.

Кстати, мне он только обозначил тему, но сейчас из него активно тащат информацию по схранам оружия, сделанным «Тетрисом». По его, вернее, «Айдара», команде – но мы ему обещаем за чистосердечное признание оставить схраны на чисто бандитской инициативе.

Короче, он готов на сотрудничество. А потому на звонок он отвечает командой всё остановить и открутить назад. А потом трубку беру я, который буду рядом, и поясню Лысому расклад. Что он уже под контролем, и катит на него за его действия не только терроризм по отношению к военнослужащему ЛНР, но и прямая измена родине. То есть вышка при любом варианте. Но там я его утешу: дескать, мы знаем, что по факту работает он не на СБУ, а на тербат укровский. А это уже не измена родине, а так, недостаточная политическая разборчивость. И при готовности к сотрудничеству можно изобразить как добросовестное заблуждение. Особенно если он отпустит заложницу или заложников, если у него там на подвале ещё люди сидят. А гранатометание и прочие бяки, что он организовал, могут быть сочтены эксцессами со стороны отдельных недисциплинированных граждан. Тогда тоже, конечно, без подвала не обойтись, но, во-первых, без конфискации, а во-вторых, при его деньгах и связях его в обозримой перспективе освободят или выкупят. Передадут, например, по подведомственности прокуратуре. В общем, наплету.

Вы же в это время либо винтите его на месте, если он придёт сам сдаваться, либо винтите тех бандитов. И вместе с ними продвигаетесь к норе Лысого. Всё остальное – захват лестницы снизу и прочее – хорошо, так и оставляем. Риск есть, но я думаю, что Лысого мы таким нестандартом поставим в тупик. А ежели он не дурак полный, то, повторюсь, вообще предпочтёт сдать. И даже хвостиком поюлит. Надеюсь на это.

Всё, теперь бегом к Соколу утверждать. А ты, Лёш, давай принимай своих, забирай пленных бандюков и готовь их к выдвигению. С тобой – Среда и Сыч, тот боец, ты с ними работал уже, так что взаимопонимание наработали. Наша группа с девчонками за тобой через две минуты. МГБ – за ними. Когда они будут на месте, маякнут тебе тремя точками по смс. Остальные все с рациями, кроме тебя, так что телефон держи под рукой. Всё, побежали...

– Постой, – не двинулся с места Кравченко. – Ты всё здорово распланировал. Но один момент меня... э-э, смущает. А ну как Лысый этот в главном тебе обратку кинет? Ты ему – измена родине, а он тебе – моя родина Украина? И, соответственно, на сотрудничество не идёт? То есть – убьёт Ирку?

Томич посмотрел на него с усмешкой:

– Да ладно, Лёш! Он же бандит! У него родина – его карман. На Украине, я тебе скажу, родины вообще ни у кого нет. Её людям всучили в 91-м году. Как кусок объединенного пирога. Ну, люди и взяли – не пропадать же добру. Да только родина оказалась какой-то нелепой – кургузой и злой. Вот и пошло сразу: у кого родина – всё ещё Советский Союз, а у кого-то свой дом или район. Вот их и любили. А всё остальное разворовывали, яро и с удовольствием. Всё равно чужое. И даже у этих, у нацистов, у идейных – то же самое. Они ж не за Украину на самом деле стоят! На кой им Украина? Они за идеи свои стоят. За Бандеру. И за своё право под свои идеи людей верстать. Для них Украина – тот же чужой дом, где живут чужие люди. Полигон для внедрения своих идей, которого не жалко.

Родина здесь только у нас, Лёша. У донбасских. Родная земля, за которую мы вставали не раз, встали и теперь. За родину встали – а уж только потом за идеи или за политические партии. И не за собственно – вообще.

А все остальные на Украине, Лёша, кроме бессловесных обывателей, – бандиты. Только одни простые, как Лысый, а другие идейные. Но хотят все только одного – урвать с чужой для них страны побольше в личный карман.

Не волнуйся. Не тронет он твою девочку. Собственное жлобство не позволит...

Глава 3

Народу в ресторане было не очень много, но и не мало. Ещё не вечер, но зато – пока что праздник. Так что Алексей нашёл столик без труда. А вот Злому и Еланцу, что ввалились в помещение через минуту после него, пришлось покрутиться. Нет, столики были, но надо же было бойцам расположиться поближе к командиру.

Еланца Злой прихватил потому, что до Балкана не дозвонился – так пояснил Юрка во время короткой пересечки возле комендатуры. То ли на выходе Балкан, то ли ещё что. Мёртвый телефон и всё. Но Еланчик тоже хорош для таких дел, потому как по нему вовсе не скажешь, что боевик.

Оба в гражданке выглядели прикольно. Непривычно. Ну, с Юркой Семёновым ладно, в Москве пересекались, понятное дело. Хоть и не дружили близко, но вместе работали. А вот тут, в Луганске, Буран видел его без формы впервые. Даже с Настей он на Новый год обжимался в военном.

Да, Настя... Вот чёрт, ещё и Юрка в ситуации с нею приплюсовался! Отбил, получается, командир девушку у боевого соратника... Как всё запуталось-то! И вроде он, Алексей, не прикладывал к этому ни малейших усилий, чтобы всё запутать. Просто по течению поплыл...

Да, а вот что касается Витьки Максимова, уральского казака с некоего Сарафанова, что лежит в Челябинской области возле озера Большой Еланчик (откуда и позывной), то его Алексей вообще в гражданке никогда не видел. А лучше не видел бы и сейчас. Витька, с его простецким, немного неправильным лицом и носом картошкой одет был явно с чужого плеча. А потому представлял собою нечто среднее между клоуном Олегом Поповым и солдатом Швейком на рисунках в книжке. Только в гражданском.

Он вообще производил ложное впечатление, этот основательный сельский казачок, небольшого роста и ухватками плюшевого мишки. Первая мысль у всех без исключения, кто его видел впервые, возникала о его недотёпистости. Нет, не увалень, но такой... будто Винни-Пух из мультика.

И только те, кто видел его в бою, в деле, получали представление, что у Винни-Пуха этого реакция настоящего медведя – быстрая и сильная. Увалень куда-то вмиг исчезает в реальной схватке, а вместо него появляется неизвестно откуда взявшийся сгусток силы, энергии и скорости. Винни-Пух со стальными когтями. И зубастой пастью под плюшевой мордой...

В общем, при взгляде на него в деле сразу начинаешь понимать, каковы были те легендарные пластуны, которых набирали из таких же, как Витька, уральских казаков. Пластуном его и хотели было назвать, но как раз в отряде у Бэтмена уже был один Пластун – довольно известный и успешный воин почему-то с отчаянно свёрнутым на сторону носом.

Они, собственно, и познакомились с Еланцем (так видоизменился его позывной от уменьшительно-ласкательного Еланчик уже в разведке, когда увидели парня в деле) из-за его тяги уже здесь, на Луганске, приклеиться к казакам...

* * *

Дело было совсем недавно, в декабре, двенадцатого, кажется, числа. В Красном Луче вручали боевое знамя 4-й бригаде Народной милиции ЛНР, в которую влилась в конечном итоге ГБР «Бэтмен». Сам же Сан Саныч стал в ней начальником штаба и пригласил Бурана присутствовать на торжественном событии. Алексей с подразделением своим оказался тогда не на передовой, свободен, да и отказывать Бэтмену, естественно, не хотел.

Поехали с Юркой Злым: тому тоже хотелось повидать-обнять недавних сослуживцев. Позвали Митридата – не без задней мысли, конечно, воспользоваться его гэбэшной машиной с халявным бензином.

Погода была, что называется, нелётная: мелкая водяная дрянь в воздухе вместо дождя, туман. И типовой такой декабрьский мокрый холод. Тем не менее прошло всё на уровне: выступления премьера, командира корпуса, представителей общественности. С десятков бойцов наградили медалями, одного – орденом. Состоялось вручение знамени, затем торжественный марш.

С точки зрения настоящей армии выглядел он, конечно, не ахти – разномастая униформа на бойцах, строевой шаг нетвёрдый, кое-где и в ногу не попадали. Но при этом смотреть на них было приятно – чувствовалось, как веяло от этого нескладного парада настоящим боевым духом. И Алексей, который на службе сам был не большим сторонником шагистики, хотя и понимал необходимость и вящую пользу строевой подготовки, был более чем далёк от критического отношения к этим бойцам. Вычитанную в одной книжке фразу: «Воюют они лучше, чем маршируют», которой будто бы в раздражении на своих солдат оправдывался царь Александр Первый перед союзниками на параде в только что взятом на штык Париже, он понимал в противоположном ключе. То есть: неважно, как они маршируют, – лишь бы воевали отлично.

Когда всё кончилось и зрители направились осматривать образцы боевой техники, что были выставлены через квартал тоже в видах военно-патриотических, Буран со Злым обнялись с Сан Санычем, с ребятами, потрепались о том о сём.

А когда возвращались к машине, к Алексею подошёл и обратился незнакомый ополченец небольшого роста, курносый, в казацкой папахе с синим верхом:

– Товарищ капитан, я тут эта... Видел, вы с нашими командирами, ну, общались. Как друзья. Вот. А не могли бы вы, ну, поговорить с ними. Чтобы меня перевели к казакам. А то папаху-то есть у меня, а носить не разрешают. Меня ж записали в химики. А до этого командовал «Ноной». А какой с меня химик, я же казак уральский, с-под Челябинска...

– Хм, – с иронией посмотрел на кургузого дядьку Кравченко. – Что-то ты не похож на сурового челябинского мужика...

К Сан Санычу, конечно, подойти с этим нетрудно. Но надо хоть понять, что это за мужичок.

Боец улыбнулся этак смущённо. Но сказал довольно жёстко:

– Так я и не мужик. Мы, казаки, мужиками никогда и не были.

Ух ты! Алексею понравилась этакая упрямая решительность в ситуации, когда просящему выгоднее было бы пропустить подколку.

– Всяко разное я могу делать по-нашему, по-уральски, – рассудительно закончил фразу казачок. – Атаман, ну, наш, на районе, сказал, что из меня пластун хороший получился.

На фоне его маленького роста и простецкой физиономии, излучавшей, казалось, только добро, это звучало забавно. Но интересно. Ишь ты, пластун! Спецназовец казачий!

– А чё ты про казаков заикался? Что папаху, мол, снимать не хочешь?

– Про какую папаху? А! Шаз же формируют вооруж... это, армию. Видишь, как нас всех одели. Мы уже не разно... это, не разнопёрстые.

– Так с папахой-то что за история?

– Ну, эта... Тут был шаз парад. Смотрю – казаки идут. Ёлки-палки, думаю, надо же к своим попасть! Вот. И... Вот и подошли мы к комбригу. Так он лично разрешил папаху носить. Можно и в своём подразделении носить. А к казакам не отпустил, нет. А мне-то к своим-от лучше же. Я ж казачьему-то умению обучен. А шо за химик из меня?...

Так и разговорились. Пообещал Лёшка перемолвиться с тем же Бэтменом. Но уже в процессе разговора с муж... э-э, с казаком постепенно сдвигал своё мнение к тому, что тот вполне подошёл бы и ему самому.

Как следовало из рассказа, подвигли уральского не мужика, но казачка на донецкую войну два обстоятельства – трагедия в Одессе и ревность по отношению к своему родному войску:

– Душа-то болит, всё по телевизору-то видать! Во-от. А тут в Одессе-то людей-то пожгли, помните? Ну, я... Я обратился к своему атаману, говорю: «Как это так? Донские казаки есть, кубанские казаки есть, они там, а мы-от, оренбургские, тута, на диване». А он говорит: «Ну, вот, Витька, понимаешь, у нас приказа-то нету! От президента».

– А ты, что ли, реестровый? – тут же спросил казак Митридат.

– Да. Ну вот. Я и грю: «Ну как же тогда нам быть?» А он grit: «Ну, как будет приказ, так-то и двинем».

А потом дальше-то что? Не даёт приказа президент! А в Москве есть такой общественный деятель, помните? Орлов. Тоже казак. Он в Москве и везде. Я говорю: «Костя, надо так и так как-то, чтобы мы тоже принимали участие, казаки-то». А он говорит: «Ну ладно, Витька, решим вопрос».

А есть же общественные организации всяки. И вот через общественные организации, это, с Магнитогорска, им повезли гуманитарный груз. Шестого июня. Ну, в Ростов. Ну, казаки. Ну и я с ними. Костя-то им сказал.

Вот. Приехали. А потом мы – в лагерь. Ну, для подготовки, учебный. А из лагеря уж сюда. Воевать.

– Это ты добровольно остался? Как бы из конвоя сбежал, что ли? Или было предусмотрено, что вы остаётесь?

– Да-а, да-да. Хотя я-то об этом поначалу не знал. Хоть и просился. Я по ходу движения только узнал, что разрешение дали. Всё же оно как-то... не разглашатся.

«Не разглашатся»! Алексей обожал это уральское глотание гласных на конце слов!

– Ну, не сбежал я, значит, а хоть и не президент, а начальство моё, казацкое, разрешило. Уйти, значит, в ополчение-то.

Потом приехали. Там нас собрали – и в лагерь, на тренировку. Ну, там, стрелять и всё такое прочее. Попал я на БТР, вот, пулемётчиком.

Во-от, и потом в Дмитревку, под Снежном, может быть, знаете, – Дмитревка?

Ну, кто же не знает Дмитревку под Снежным?! Хотя Мишка-то, наверное, знал, вон, кивает вдумчиво...

– Вот. Ну, там начинал воевать или как-от сказать. Начали воевать. Ну а это, вот так началась жизнь-то какая интересная...

– И как первый бой?

– Да какой там бой! Как начали нас бомбить, эти, нацики! И «градами», и миномётами, и ещё там чем! Мы как тока мыши – в разные стороны! Жить-то всем охота!

Ну вот... Вот так они начали нас тренировать к военной жизни. А потом был бой, это, за Кожевну. Кожевну знаете? Там очень тяжёлая была обстановка. Вот...

Ну, вот месяц мы отвоевали там, в Дмитревке, и я поехал домой. Нас вызвали опять домой. В Челябинской области село наше.

– А семья-то у тебя большая?

– Семья-то у меня большая. Ну, это... У меня... сколько ребятишек? Ну, в паспорте-то трое записано. А ещё у Аньки двое и у Наташки один. Но это всё мои дети, да жёны мои... ну, были. Я от них не отказывался и не отказываюсь. Ну, жисть такая...

Нет, это было нельзя слушать без улыбки! Даже Злой всё как-то от фразы к фразе шире в улыбке расплывался. Хоть и пытался её прятать.

А казачок между тем продолжал вести речь на полном серьёзе, разве что забавно растягивая и одновременно глотая гласные:

– Так я что хотел те рассказать-от? Когда в Дмитревке-то воевали, там сбивали самолёты, эти, «сушки». И вот сбил самолёт... Ну, я, из ПЗРК. «Игла», есть такая штуковина.

Оп-па, а вот это уже серьёзно! Не каждый владеет подобным оружием! Алексей переглянулся со Злым. Дядька-то непростой! А главное – перспективный!

– И вот висит этот парашютист, а мы, значит, вычисляем, где его ловить, – между тем продолжал «дядька». – Вот... Поймали, да.

И вот домой приехал – и снится мне сон, что он ко мне на озеро приземляется, этот парашютист. Ну, возле дома мово. Что такое, х-хе! А в обед эсэмэска приходит от комбата: «Витька, срочно выезжай!».

Н-ну-у... Комбат всё же, дядька серьёзный. Я хоп сразу: пойду, думаю, займу денег. Пошёл, занял денег на дорогу и опять в Ростов.

– А как семья на твои военные дела смотрела? Что так вот – взял и поехал, от деток, от женщин своих, – подавляя улыбку, спросил Алексей. – Земляки как?

– Земляки? Ну, если вот честно... Честно если, то когда я туда поехал в июне, то со мною никто не поехал. Они говорят: «Ты что, Витька, дурак, чё ли, тут сено надо косить, а ты на коку-то войну собрался». Вот... Жёны как кинулись на меня!

– Что за жёны? Твои?

– Ну чё за жёны. Вот, допустим, я к вам прихожу, зову: «Ну чё, Иван, пойдём повоевать?» Так ваша жена же накинется на меня: «Ты куда мово мужика тянешь, тут своих хлопот хватат, шоб на коку-то Укроину ехать...»

В общем, один я поехал. Вот... Правда, взял я одного с собой, Серёжку. Он пьяный на берегу лежал, я ему: «Серёжк, поедешь? На войну-то?» А он: «Да я! Ух! Поехали!»

В Ростове-то он протрезвел, правда. Но до войны зашёл всё же, так, немножко. Вот только во второй раз уж не поехал. Второй раз я уже один поехал. Из нашего села. Вот.

Да. А там нас комбат собрал и мы уже в августе, первого или второго, у нас, это, батальон собрался, и мы сюда в Ровеньки попали. Вот. Сопровождали этот, гуманитарный. Груз. Не, не белые эти, как их, КАМАЗы. От кого-то ещё. От ростовских, что ли...

Так там и остались. А потом уж дали нам пушки, «Нонки». Я стал командир расчёта «Ноны-К», есть такая пушка. Танки дали нам. Хорошо снарядили.

Так я лейтенантом стал, да. А был рядовым.

Ого! Но, между прочим, сейчас на плечах казачка были погончики с тремя латунными птичками – сержант. Или урядник, если по-казачьи.

– Ну-ка, ну-ка... Это как так у тебя получилось – из рядовых в офицеры, из офицеров – в урядники? – поинтересовался Мишка.

– Ну, это, здесь нет таких названий. Здесь я это, сержант. Ну, это, здесь военные звания.

– Так здесь получил или в войске своём?

– Ну, здесь присвоили, да, но тут не казачьи звания, а армейские. Дело-то было как? Когда формировали этот... Это, батальон. И там начали, это, штаты сбивать. Меня – командиром взвода. Я ж с опытом. А командир взвода – значит старший лейтенант.

– А почему не просто лейтенант? Как командир взвода-то?

– Чё написали, то я вам рассказываю. Написали бы генералом, я бы сказал, что генерал. Я хоть и казак, но самозванцем быть неохота.

Ну а люди-то тоже немножко завистливые, и всё такое прочее. Ну и немножко меня съели, разжаловали, через пять званий. И стал я сержант.

Да шут с ним, не в этом дело. Я сказал: «Ну и хрен с вами, сержант так сержант».

И мы сначала начали. Хрящеватое, помнишь, бомбили? Это в конце августа было. А последний бой у нас был – Луганский аэропорт. Это было третьего сентября.

– А там разве бой тогда был? Раньше было, а тогда, помню, вроде их просто покروшили... – заметил Алексей.

– Кого? Там били мы их етими, пушками, по им.

– И эрэсами там всё накрыли... – подтвердил Злой.

– Ну, так и я про то! Вот наша батарея, наша батарея, лично по аэропорту выпустила, как нам командир сказал, тридцать тонн снарядов, в тот день.

Ну а потом всё. Вся моя боевая деятельность закончилась, потом я домой съездил, опять потом сюда приехал, это уже в октябре. Вот. В сентябре уехал, в октябре приехал, а тут уже никаких боевых действий нет. Идёт формирование армии, вот.

– То есть был ты на бэтээре, на «Ноне», а сейчас кто?

– «Нонкой» я, это, управлял, когда мы били Луганский аэропорт. Щас я уже в третий раз зашёл. В третий раз зашёл... И щас я в РХБЗ. Ну, в общем, пока нас формируют, тренируют.

– А как так получается – то артиллерист, то пулемётчик, то вот «химик»?

– Понимаете, я же всё в добровольном порядке. Куда меня пошлют, туда я и иду. Вот как у нас было в лагере? Ты кем на грожданке был? Трокторист. На танк! Ты кем был? Водитель. На БТР. Кем был? Никем не был. Иди в пехоту. Вот и всё распределение было раньше.

И второй раз было так же. Но во второй раз меня тут уже знали. Что я не сильно плохой человек. Меня хоп – командиром расчёта поставили.

Ну чё ещё рассказать? Вроде больше нечего рассказать. Вот на Новый год хочу домой съездить, к детишкам.

А третий раз, опять же чё хочу рассказать. Когда я сюда приехал, это, в первый раз, там это, жена говорит, чё надо сделать, когда вернёшься. А мне комбат дал телефон поговорить. «Ладно, – говорит, – доуспокой ты свою жену. Вам ещё деньги будут плотить». Я: «Каки деньги?». – «Какие-какие... Жалованье положенное. Мы ж теперь армия!» Да ничё себе! Х-хе!

Ну, я этой сферы, конечно, не знаю... Это другие люди, там, из Чечни или афганцы... Они всю эту кухню-то знают. Это я ничего не знаю! Вот и удивился: так тут ещё и деньги плотят? О-о, да шо ты! Х-ха! Мы там уже... Ну а теперь контракт подписал. Щас вот нам, щас же армия, да?

Алексей переглянулся с Юркой. Похоже, у них были одинаковые мысли. Хороший, трудящий дядька, исполнительный и умелый. Вот бы его как-то к себе перекинуть, в роту. Да и понравился, что уж там. Непосредственностью этой своей, что ли... Или простым, ровным отношением к войне, в глубине которого ровно ясно тлеет уголёк справедливости, сочувствия, желания биться со злом. Воплощённом в данном случае в зверином украинском нацизме, сжигающем людей заживо...

«Вот он, воин империи, – подумал тогда Алексей. – Без рисовки, без глянца. Просто душой, просто за справедливость, просто против неволи под маской интересов якобы нации...»

– Деньги плотят. И то хорошо. Я уже отослал домой-то, так Оксанка за свет заплотила и пацану ботинки купила, – рассказывал между тем казак, словно бы подтверждая, что высокое и бытовое вполне уживаются в нынешней борьбе за империю – о которой, правда, мужичок этот уральский наверняка и не думал. – Во-от... Значит, отослал деньги Оксанке. Так она, жена, там уже – окошки пластиковые встольять, рада, вот... Ну, это нормально же.

Как дальше будет, я не знаю. Щас же кождый раз новый контракт. Но опять же гляди ещё. Если бы, там, был контракт, как в российской армии... Я, там, с одним разговаривал, он говорит: «Я вот, допустим, если отслужу, уже знаю, где мне дадут квартиру. Или, допустим, меня убьют – я знаю, что мою семью не бросят. Льготы будут. А здесь что?».

– Но деньги ведь платят?

– Ну, знаешь, чё тебе скажу – пускай там пятнадцать, двадцать тыщ, но если сравнивать с человеческой жизнью, это копейки. Человеческую жизнь во скоко, там, оценишь? Она неоцениваемая! В общем, деньги против жизни – ничо вообще! Ради них, что ли? Да тьфу!

Но российское государство, оно же заинтересовано. Оно заинтересовано, чтобы не было фашистов. И тоже я, когда сюда ехал, то с той целью, чтобы здесь людей не жгли. Это была

первая цель. А то, что тут финансовая, там, – это уже на втором плане. А то что ж получатся: наши деды с ними, с фашистами, воевали-воевали, а прошло семьдесят лет – опять с ними воевать! Опять началась эта заваруха с этой гнилой Европы! И если сейчас глубоко уткнуться в историю, наши деды смеялись над Гитлером – дескать, какой-то там алкоголик. А он показал вон всем, до Москвы дошёл. Если мы сейчас вот опять будем, как говорится, на это рукой махать, то они и до России доберутся, эти фашисты! Так что тут надо наводить порядок, чтобы не было здесь фашизма. Или я не прав?...

* * *

Да, вот это наш человек, решил тогда Кравченко. Прав ты, дядька, на все сто прав! Не за деньги мы тут – они просто подспорье, чтобы было на что жить! Мы тут вот за этим – чтобы не пришли фашисты в наш дом и не стали нас жечь заживо только потому, что мы не разделяем их гнилых убеждений! Не нужна нам Украина, даже Донбасс нам не нужен. Россия и без них большая. Но нацизм, фашизм, этот вонючий западный либерализм, порождающий вечно и нацизм, и фашизм, – они тянут лапы свои к людям поверх всякой географии!

Вот сегодня загадили мозги многим украинцам, которые нашли себе убежище от всех проблем в лозунге «Украина понад усе!». И пошли они убивать других людей, которые отказались жить под этим лозунгом. Не на Украине отказались жить те люди, нет! Под фашистскими порядками, даже под лозунгами не захотели существовать.

А завтра где эта гадость всплывёт?

И вот они, такие вот казачки, от сохи да от детей своих пришли сюда защитить этих людей, защитить их от фашизма. Который, как и всегда, вновь показывает, что он – прежде всего, смерть. Смерть несогласным, тотальная промывка мозгов оставляемым в живых. И закабаление в результате целого народа в угоду и пользу олигархам. Чтобы те под лозунгами нацизма для народа могли счастливо грабить этот народ, а тот пел бы ещё и осанну своему фашистскому порабителю...

В общем, Кравченко сделал всё возможное, чтобы забрать к себе казачка Еланца. Вымолил содействия у Сан Саныча, пил коньяк с командованием, поднимался до самого штаба корпуса – выцарапал. И ни разу не пожалел о том.

* * *

И вот теперь Еланец сидел вместе со Злым за столиком через проход и усиленно делал вид, что он совершенно гражданский мужик. По мнению Алексея, никто в том и не сомневался. Вот Юрка Семёнов – тот да, тот даже в гражданке внушал впечатление. Женщинам прежде всего. Но сейчас он несколько сжался, расплылся на стуле, изображая если и ополченца, то напившегося в увольнении уже с утра. Ну, то есть гуляющего, следовательно, со вчерашнего дня, как минимум.

Ещё через столик от них расположилась компания из двух пар – на вкус Кравченко, несколько хлыщеватого вида. То ли в конфискации комендатуры были специфические предметы одежды из новых коллекций, то ли среди бойцов присутствовали бывшие мажоры. Впрочем, Алексей мог и ошибаться: для юношеского мажорства он был староват уже и за модами не следил. Но по службе своей в «Антее» он подобных ребят занёс бы именно в эту категорию.

Гэбэшников определить было невозможно. Или они опаздывали.

За минуту до назначенного срока Кравченко набрал номер Ирки. Он был уверен, что Лысый оставил её телефон себе. Для связи, естественно, ибо вряд ли его могла заинтересовать достаточно простенькая модель.

– Пришёл? – хмуро осведомились на том конце связи. – Где стоишь?

– Не стою, а сижу, – неприязненно буркнул Алексей. – В ресторане, в комплексе твоём. Пауза. Сюрприз-из! Осмысливает.

– Парни где?

– Где девушка?

– На подвале, где ей ещё быть. В тепле, как и обещал. А где парни?

– В машине, где им ещё быть, – передразнил собеседника Алексей. Наглость сейчас – точно второе счастье. – Как только вижу рядом с собой девушку, даю команду, и они у тебя перед входом в офис.

Пауза. Лысый что-то прикидывал. Ясно, что: ему нужен был сам Алексей, а не бандиты. Те – так. В придаток.

Сейчас скажет основное.

– Не пойдёт, – веско сказал Лысый. – Девушку мои парни сейчас приведут. Но только не в главный зал, а в виповский. Через коридор. Ты проходишь туда, тогда отпускаю девчонку в наружный зал. Пусть идёт, куда хочет. А с тобой мне побазарить надо. Заодно и ребят моих дождёмся, убедимся, что ты их честно отдал.

Алексей подумал. Пожалуй, это даже хорошо. С одной поправкой, впрочем.

– Годится, – сказал он. – Но не совсем. Девушку – сразу в общий зал. И твои провожают её до дверей наружу. Потом парень мой, водитель, забирает её, отвозит за территорию, там выпускает твоих и уезжает. Только они будут в наручниках. Ключи – у меня. Я остаюсь с твоими парнями. Потом мы с тобой разговариваем.

Тем же дрыном, да по другому месту. Ирку он должен от себя подальше отправить, чтобы гарантировать ей безопасность при любом развитии событий с ним. Так что никаких вип-залов!

– Ну, ты накрутил! – вскипел Лысый. – Что мне мешает доставить девку к тебе частями? Нервничает, тварь! Не деловой разговор.

– Во-первых, помешает то, что я тебе уже говорил, – сдержанно, но с явственно показываемой силой ответил Алексей. – Я очень обидчивый. И обиду свою держать на сердце не привык. Такой вот я несдержанный парень. Во-вторых, я тебе тут устрою такой тарарам, если не увижу девушку живой и здоровой, что через пять минут тут будет вся милиция и комендатура. Как думаешь, что они сделают, когда увидят у тебя на руках покоцаную заложницу, фактическую жену действующего офицера армии? Терроризм в условиях военных действий чем пахнет, догадываешься? «В-третьих» надо – или достаточно?

Пауза. Задумался Лысый. Алексей знал, что играет точно. Бандиту «тарарам», разумеется, не нужен, если ему нужен сам Кравченко. Речь идёт, в общем, о рокировке – вместо сторонней женщины у него в руках окажется сама желанная жертва. А то, что «жертва» колюча сверх всякого его представления, – про то Лысый ещё не ведает.

– Ладно, хрен с тобой, – проговорил бандитский лидер. – Только так сделаем. Ни моё, ни твоё. Женщину твою отдаю тебе в зале. Водила или кто там у тебя её забирает и увозит. Одну, без моих ребят. Выпустят твоих за территорию, обещаю. Отзвонятся тебе. Ты в это время сидишь в зале. И без фокусов. На этот случай моих будет трое и все с пушками. Учти.

– Учёл, – ответил Алексей. – Согласен. Всё, время пошло!

Две вещи не увидел бандюган. То, что Алексей может быть не один. Это раз. И то, что происходит передача будет в общем зале. То есть на глазах у потенциальных свидетелей. А значит, Лысый сам будет заинтересован в тишине и спокойствии во время акта передачи заложницы. Это два.

Насчёт первого пункта – тут Кравченко, впрочем, поторопился. Сам это понял, когда из двери, уводящей в коридор к вип-залу, появились два довольно развитых «шкафчика», цепко оглядели зал, буквально до каждого лица (Алексей сделал своё кирпичом), затем прошествовали к двери выхода и встали там по её бокам на манер лейб-гвардейской стражи. Тем самым

выход они закрыли. А главное – обеспечили резервом тех, кто будет действовать в центре игры. Кстати, интересно, что на Алексея они взгляд не задержали – не узнали? Ну да, сообразил он, его же в лицо из бандитов знают только те двое, что сидят сейчас в «бобике» под охраной комендачей! Ха, у Лысого одной карты в колоде нет! Вернее, в нужный момент ему надо будет ещё отыскать её! Вот смеху было бы, если б под видом Бурана в дело ввязался обманчиво недотёпистый Еланец, нос картошкой!

Хотя нет, не поверят бандосы...

Да, параллельно сообразил он, не может быть, чтобы в ресторане не было системы видеонаблюдения. Всё же личный, можно сказать, пункт общественного питания криминальной группировки. Может, даже и столики оборудованы системой звукозаписи...

Ему принесли пиво с орешками. Играть так играть – теперь его не вычислят даже по странности пустого стола у ресторанный посетителя. Пить Алексей, конечно, не будет, но это – обеспечение простого, но действенного приёма, которому его обучили в «Антее»: когда обступают с двух сторон, то левому оппоненту в лицо выплёскивается жидкость, а правому на противоходе достаётся массивной кружкой в висок. Как раз всё на реакциях человеческих построено: левый неизбежно, инстинктивно будет закрывать глаза и отшатываться, а правый – отвлекаться на коллегу. Секунду-две свободы действий это даёт. А их обычно хватает...

Ещё двое бандюганов вышли из первой двери и тоже прошли по залу, внимательно вглядываясь в посетителей. Алексей в принципе понимал причину их появления: Лысый сейчас позвонит, и они вычислят его контрагента. И когда телефон действительно завибрировал, Буран из мелкого хулиганства не стал отвечать сразу, но поднёс кружку ко рту, с удовольствием наблюдая, как безрезультатно сканируют зал «тетрисы».

Хотя, в общем, переигрывать тоже ни к чему: пока Лысый не определит оппонента, Ирку он отдавать не будет. И Алексей поставил кружку на стол, поднёс трубку к уху и спросил:

– Проблемы?

Нет, проблем у Лысого не было. Кроме одной, но такой, о которой он ещё не подозревал: сам того не замечая, он стал подчиняться инициативе Алексея. Хотя полагал, что вся она – всецело в его руках.

– Здесь твоя девка. Где мои ребята?

– Сначала покажи её. Твои-то в машине сидят, на виду и целые. А девушку я сперва должен увидеть.

Лысый выматерился.

– Не дальше дверей, понял? – закончил он. – И сам покажись, а то мои люди тебя не знают.

Ага, подтвердил тем самым, что наблюдение ведётся. И что «люди его» – ребятки не острые, раз требуется им ещё и подтверждение, что разговаривающий в данный момент по телефону мужик – тот, кто им нужен.

Ладно, не козырная это была карта. Так, семёрочка. Для морального удовлетворения. И понимания, кто ведёт игру на самом деле.

Алексей, не чинясь, поднял руку с кружкой вверх. Тоже жест с нагрузкой: даёт оппоненту ощущение, что противник легкомыслен, уверен в себе и, как ни парадоксально, – лоялен. То есть разуму понятно, что он – противник, но вот эмоциональное впечатление этому противоречит. А это – лишний блочок из-под фундамента психологического состояния Лысого. Мелочь, но пренебрегать в данной ситуации нельзя ничем.

Ага, срисовал Кравченко краем глаза, нашли бандюганы цель. Двинулись к нему, шифруясь. Вот только столиков свободных рядом нет. И что будете делать?

Не нашли ничего лучшего, как свершить маленькое забавное чудо, – подойти к лошари-стому Еланчику с пьяненьким его приятелем и спросить: «У вас свободно, мужики?» Да нет вопросов, конечно! Теперь при любом обострении ситуации этих двоих можно смело списы-

вать со счетов! Ну, так и деваться им было некуда – не силой же кого-то выбрасывать из-за столика, провоцируя незапланированный скандал!

Вообще-то были б поумнее, – у него, у Алексея, местечко попросили бы. А так – ну прямо расписались, за кем они тут следят!

Но он не успел насладиться торжеством над этими недотёпами. Раскрылась дверь, на которую всё время краем глаза косил Кравченко, и в проёме показалась фигурка Иришки. Настолько жалкенькая на первый взгляд, что у Алексея чуть слёзы не выступили на глазах. В больничном халатике, худенькая, болезненная до измождённости... Господи, да всего-то три часа прошло, как её взяли бандиты! Ну, твари, если выяснится, что вы с ней что-то делали, лично вырежу каждого, кто к ней прикоснулся! А Лысый, если и хотел показать тем свою силу, добился лишь одного: если до сих пор Буран относился к нему брезгливо, с опаской, но без личной ненависти, то сейчас в нём вскипела именно она. Личная. Ненависть.

Алексей бросился к подруге, обнял её. Дрожит. Он так глянул на ближнего бандита из тех троих, которые привели Ирку, что тот даже отшатнулся.

– Ирка, милая, родная! – он сейчас действительно испытывал чувство бешеного родства с нею. – Ты в порядке? Эти суки с тобой ничего не сделали?

– Э, ты полегче, фраер... – брякнул было один из сопровождавших девушку бандитов.

Алексей обернул к нему яростное лицо:

– Засохни, тварь, а то убью на месте!

В нём действительно заклокотало так, что вот-вот могло снести голову.

Бандюган ощутил, видно, ту бездну гнева, которая вот-вот готова была разверзнуться перед ним. Поплыл немного лицом, молча отступил на шаг назад.

Третий, порывавшийся было что-то сказать, тоже скис и промолчал.

А что, эту волну сладкого бешенства, что поднимала сейчас Бурана, они не могли не чувствовать, эти бандюганы. По роду деятельности им наверняка и самим приходилось оказываться в крайних ситуациях. Когда вскипала в жилах и нервах такая вот боевая ярость, и удесятряла силы, и обостряла сознание. И если ты сам не находишься в том же состоянии, – как, например, сейчас, когда просто подводил бессильную девку к фраератому лоху, – то при всём своём боевом опыте отшатнёшься от этой яростной, ищущей жертву злобной силы.

Потом-то, конечно, придёшь в себя. Тем быстрее, чем больше у тебя опыта таких вот противостояний. Но если бы Алексей сейчас на них прыгнул, то все трое легли на месте. И они это почувствовали...

Но тут Ирина прошелестела:

– Нет, Лёша... Словами только грозились. Просто очень страшно было... Без тебя...

Он захотел взять её на руки, прижать к себе, приголубить. Но нельзя: как раз руки сейчас должны быть свободны.

Видимо, заметив этот порыв, один из бандитов предостерёг:

– Босс сказал, тут стоять, пока ты наших не приведёшь.

Контролируя себя, Алексей ответил спокойно – только голос был глухим, словно он одновременно поднимал тяжесть:

– Сам – нет. Позвоню – приведут...

Достал трубку (бандиты напряглись), набрал номер, бросил три слова:

– Можно... Двери – двое...

– Принял, – прошелестело в ответ.

По этой команде к главному входу в офисную часть здания должны были проследовать двое комендачей, ведя закованных в наручники пленных. Которых, естественно, отпускать никто не собирался. По плану, однако, охрана должна была открыть вторую дверь входного тамбура, после чего она блокировалась на несколько секунд, пока из не приметного микроав-

тобуса до входа не долетит боевая группа. После этого должна была следовать зачистка офисного крыла.

К главному же входу в ресторан выдвигались из универсама внизу четверо бойцов ГБ, которые должны были, выключив двоих качков на охране, взять под контроль двери и до поры из зала никого не выпускать. Томич не исключал, что Лысый мог хитрить и сидеть в ресторане, чтобы управлять процессом, видя всё своими глазами. И позволить ему уйти под шумок было никак нельзя.

По этой же команде Бурана к основной группе фигурантов направлялись трое гэбэшников для фальшивого задержания капитана Кравченко. Для них условия складывались даже лучше, нежели ожидалось: Ирка была уже под защитой Алексея. И основная цель – проникнуть в сердце «куреня» криминального атамана Чупрыны – значительно облегчалась, лишаясь не главной, побочной, но такой необходимой задачи, как освобождение заложницы.

И всё завертелось очень быстро.

Гэбэшники, вынырнув словно ниоткуда, тускло поинтересовались, профессионально быстро тыкая удостоверениями в глаза так, что прочитывать ничего не успеваешь:

– Капитан Кравченко? МГБ. Предлагаем проследовать с нами.

– Э-э... – только и успел произнести капитан Кравченко, делая – отчего-то! – шаг назад. Словно под защиту бандитов.

Те были в растерянности и роль защиты сыграли замечательно. Но вот с точки зрения оперативников они немедленно стали нарушителями закона. Тем более что один из них рефлекторно попытался ухватить Ирку за руку, возвращая себе контроль над заложницей.

– В чём дело, граждане? – удивился один из гэбэшников, перехватывая, в свою очередь, руку бандита. – Вы почему мешаете органам?

Алексей сделал большие глаза Ирке, подмигнул ей и подтолкнул в общий зал. Оттуда, как он отметил, уже направилась в их сторону одна из пар прикидывавшихся весёлой компанией комендачей. Ещё одна девушка оставалась на месте, а четвёртый боец направился как бы в туалет, смещаясь к тем ребятишкам Лысого, что держали выход.

– Мы... это... – трудно проговорил старший из бандитов. – У нас разговор.

– Знакомые, что ль? – хищно спросил второй оперативник.

– Ну... не...

– Вот и хорошо, – покладисто сказал гэбэшник. – Понятыми будете при досмотре задержанного.

Какие понятые, когда ему предложили «пройти»? Но в сложившихся условиях бандитам было не до того, чтобы искать нестыковки. Да и времени на то им не дали, потому что последовало безапелляционное предложение:

– Пройдёмте вон в помещение за двери, чтобы не мешать тут гражданам отдыхать.

Краем глаза Алексей отметил, что за столиком Злого и Еланца возникло шевеление. Это двое резервных бандитов попытались переместиться к центру событий, где возникла, с их ракурса, какая-то непонятка.

Попытка оказалась, мягко говоря, смазанной.

– Ты что сказал, падла? – донёсся страдающий вопль Злого, после чего его оппонент впечатался носом в дерево стола.

В эту же самую секунду его приятель, уже поднявшийся со стула, отчего-то шумно упал.

В зале взвизгнули.

Вот отчего это так происходит всегда – когда что-то случается в общественном месте, находится баба, которая начинает визжать?

Что было дальше, Алексей уже не фиксировал, занятый происходящим вокруг него. Да, собственно, его уже оттеснили за дверь. Причём каким-то совершенно спонтанным движением всей их маленькой группы, хотя никто вроде как никого никуда конкретно не выдавливал. Он

ещё успел лишь снова подмигнуть Ирке, отметить, как к ней приникла девушка из комендатуры, принимая словно с рук на руки, – и успокоился за эту тему. Дальше действовать будем мы, опять всплыла в мозгу строчка из Виктора Цоя.

Не совсем. Точнее говоря, совсем не. Дальше действовать стал не он. Ну, почти.

– Проходим, проходим, граждане, – едва ощутив в бандитах точку сборки, совсем по-милицейски приговаривали гэбэшники. И ещё что-то такое вещали, едва ли не завораживающее. Потому собраться качки смоли лишь тогда, как у главного из них заверещал мобильник.

Все остановились, будто эмгэбэшники тоже ждали этого звонка.

– Да... Тут, это... Да. Это, Лысый, тут МГБ нарисовалось. Да нет, этого пришли... Кравченко. Да. Арестовывают. Да, передаю...

Он неловко протянул трубку главному из оперативников:

– Тут, это, хозяин хочет перетереть...

Тот взял трубку с некоторой показной брезгливостью – мол, путаются тут всякие под ногами.

– Слушаю... Да, задерживаем... По подозрению... Ну, это не ваше дело... Переговорить? Подходите. Но в нашем присутствии.

Левой рукой опер протянул трубку обратно, процедил медленно:

– Идёт ваш босс, – и резким, но с выкрутом ударом поддел бандита под дых. Или, вернее, как выхватил глазом Алексей, обозначил такой удар. Основной был понизу – где ребро рифлёной подошвы зимнего ботинка врезалось в голень качка. Ибо качок, как и следовало ожидать, мышцы живота напрячь на рефлекс успел. А вот голень убрать от удара, которому учат в основном в спецназе («Не бейте по яйцам – всё равно не попадёте, – внушал, бывало, инструктор по рукопашке. – Бейте в голень – боль та же, но попадание стопроцентно!»), – этого бандит уже не смог. И закономерно оказался выключен из дальнейших событий.

А те, как всегда в таких случаях, не замедлили.

– На месте стоять! – заорал один из гэбэшников, отпрыгивая назад и выхватывая пистолет. – Работает МГБ! Кто дёрнется, стреляю без предупреждения!

Ну, о тех двоих можно не волноваться, подумал Алексей, подскакивая к двери, через которую их сюда вжали гэбэшники. Приоткрыл – так и есть: его бойцы уже споро пеленают каждый своего противника. Все его разведчики были снабжены пластиковыми ремешками, которыми компьютерщики фиксируют провода, – Алексей специально просил друзей в Москве, чтобы приобрели и передали сюда с оказией. Сильно удобнее, чем наручники. Компактнее, по крайней мере.

– Давайте их сюда, – скомандовал он.

Одновременно выхватил глазом ещё две важные картины. На дальнем, основном, выходе бандитов уже не было, а один из «парных» комендачей контролировал выход. Значит, бойцы ГБ бандюков уже повязали и утащили.

И Ирка. Она, вместе с приобнимающей её сотрудницей комендатуры дотопала уже до бойца в дверях. На помощь им спешила девушка из второй пары, а её спутник активно проявлял солидарность со Злым и Еланцем, держа зал и прикрывая их тыл. Правая рука явно была готова нырнуть за пазуху в любое мгновение, чтобы вынырнуть уже с пистолетом. Пока в этом, похоже, нужды не было. Лишь за ближними столиками народ напрягся, наблюдая за событиями. Но сидел смирно, участия в чужой полемике принимать не собираясь. И это правильно.

Через пару секунд Юрка с Витькой споро поволокли своих оппонентов в коридор, где находился Алексей с гэбэшниками и, уже всё поняв, смирно лежали трое бандитов из первоначальной «группы захвата».

Оперативники между тем уже быстро распределяли роли:

– Слышь, капитан, ты со своими никуда не лезь. Нельзя вам. Но вы держите боевое прикрытие на случай чего. Мы – на захвате. Комендачи – охрана задержанных и тыловое прикрытие. Пошли в вип-зал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.